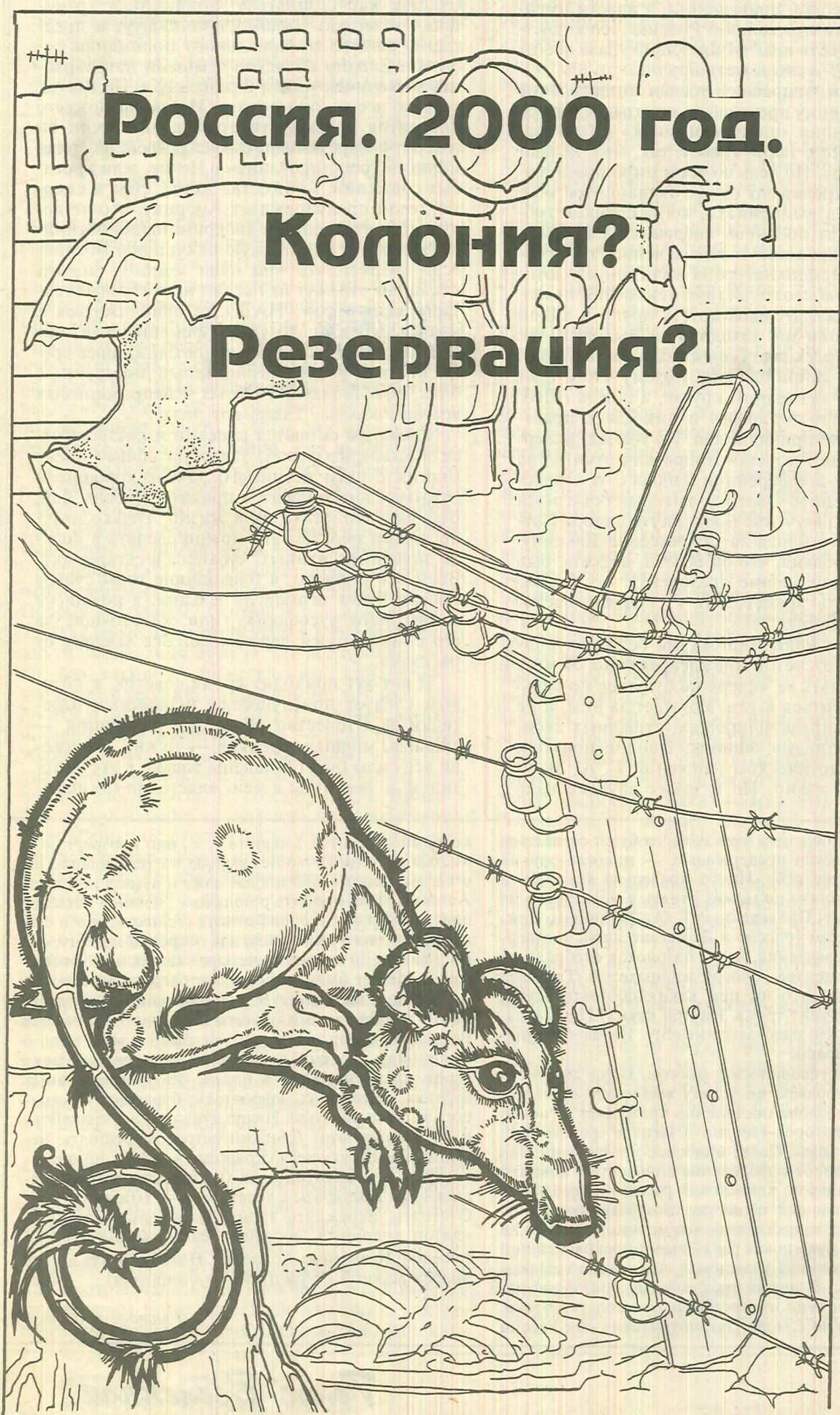

ГОЛОС ВСЕЛЕННОЙ

7.96

*Информационно-публицистическая
и литературно-художественная газета*

Россия — Вселенная Духа и последняя обитель Вседержителя
посреди Черной Пропasti, разверзнутой в ад.

Россия. 2000 год.

Колония?

Резервация?

Оккупация России

Александр Зиновьев,
Юрий Петухов
о предстоящем вторжении

Кара Господня

Послесловие к выборам

Мировому жандарму врезали по зубам!

Гудбай, Америка!

Владимир Щербаков

Потомки сынов леопарда

Страницы Русской Истории

"Звездная Месть"

Главы из заключительной книги
романа

Энциклопедия нечистой силы

Ведьма - Дракон

Карта Господня, или По делам и возмездие!

Послесловие к выборам президента

Итак, свершилось predetermined и страшное, у власти осталась группировка, выражающая интересы Глобального Предиктора. Иначе пока и быть не могло. Против России все «мировое сообщество», включая в этот сверхновый «интернационал» и всевластную внутреннюю «пятую колонну». Против России одурманенное Предиктором население, утратившее не только остатки разума, но и инстинкт самосохранения. За Россию лишь некий зыбкий и раздражаемый внутренними противоречиями патриотический блок, не имеющих ни рычагов власти, ни каких-либо действенных подразделений и структур (все нагнетаемые средствами массовой пропаганды слухи о неких «боевых дружинах» — такая же провокационная дешевка, как и навязываемый в годы «перестройки» миниаккальный психоз о предстоящих «еврейских погромах» и недавнее запугивание обывателя «русским фашизмом»). Да, Патриотический блок поддерживает половина населения, возможно, даже большая часть населения России — здесь я сразу хочу оговориться, что в официальный расклад «процентов» не верю и никогда не поверю — но население это, половина эта до предела инертна, безвольна, и никогда не найдет в себе силы на что-либо более решительное, чем проставление украдкой галочки в бюллетене. То есть, за слугами Предиктора танки, бронетранспортеры, самолеты, бомбы, сотни дивизий, армады карателей, вся полицейская и тюремная машина подавления, все средства массовой пропаганды, вся финансово-коммерческая система с ее триллионами долларов, все спецслужбы «мирового сообщества» и его армии, флоты, авиации, вся мощь транснациональных гигантов и т. д. За патриотическим блоком — молчаливая половина, с надеждой и смирением ждущая Чуда Господня. Но от таковых «смиранных» и сам Господь, как правило, отворачивается. Как правило. Ибо Чудо все же могло произойти.

Полгода назад, сразу после победы Зюганова и Жириновского с их блоками на выборах в Думу, «Голос Вселенной», поздравляя обе фракции, писал призывно и пророчески: *«Судьба державы в их руках — эти две партии могут спасти страну или погубить ее. Спаси, презрев разногласия и выступив единым фронтом. И погуби, поддавшись «кукловодам», перенеся свой потенциал на борьбу друг с другом (по испытанному сценарию). Для победы, для возрождения России требуются только две вещи: 1. Коалиция КПРФ и ЛДПР. 2. Выход и тех и других на телеэкраны».*

Справедливости ради, надо отметить, что В. Жириновский неоднократно протягивал руку коммунистам, предлагал объединиться — вплоть до последних предвыборных дней. Чудовищная ошибка Г. Зюганова, и не просто ошибка, но неискупимая вина перед Россией,

перед молчаливой большей половиной еще ждавших и надеявшихся русских, в том что он отверг протянутую руку, более того, «положил в нее камень». Только вместе они могли бы преодолеть сопротивление режима. Только вместе! И оба они бесконечно виноваты перед Историей, перед будущими вымирающими и нерожденными поколениями русских, в том, что, обладая абсолютным (совокупным) владичеством в Думе, не сумели «оседлать» телевидения. Здесь никакие объяснения и отговорки не могут приниматься — они могли это сделать. Могли! Но не сделали! Не вышли самостоятельно на ТВ... И как следствие, ТВ их уничтожило! Потенциальные защитники и спасители России оказались наивными детьми несмышленими, неспособными к борьбе, к той роли, что им была отведена... Или же они просто не решились идти в этой борьбе до конца, до победы, заранее уступая сильному, готовя отходные пути и места. В последнем случае нам, патриотам, надо хорошенько осознать простую и доступную вещь: предателями России и Русского Народа не может быть «пятая колонна», ибо она не предатель, но изначальный враг, стоящий на своих позициях; предателями не могут быть слуги Глобального Предиктора, занимающие высокие места в госаппарате и разрушающие страну, ибо и они изначальные и сознательные слуги «мирового сообщества», изначальные и сознательные враги Отечества, приведенные к власти именно этим уничтожающим Россию «сообществом». Враг есть враг. И имеющий глаза всегда видит его — ясно и четко.

Геннадий Андреевич послал поздравление переизбранному президенту, показывая, что он есть оппозиция «цивилизованная» и благонамеренная, мол, таков этикет, так, мол, делают во всем мире. Но ведь во всем мире президент не расстреливают своих парламентариев и не веселятся на «юморинах», когда сотнями гибнут в засадах боевиков посланные на смерть солдаты. Складывается впечатление, что представители номенклатурной «элиты» остаются при любых обстоятельствах неизменно лояльными и благожелательными друг к другу, в каком бы лагере они ни находились. Выходит, что при любом раскладе Ельцин ближе Зюганову, чем тот же Жириновский, потому что с Ельциным они «из одного круга», а вождь ЛДПР вышел из простонародья и никогда к правящей элите не принадлежал. По той же, наверное, причине Геннадий Андреевич отчитал на своей пресс-конференции 4 июля с. г. корреспондента газеты «Завтра», который осмелился ненавязчиво и учтиво попрекнуть лидера Патриотического блока за приветствие Ельцину. Отчитал, добавив, что он обязан, дескать, был послать поздравление президенту, но не обязан посылать приветствия в средства массовой информации.

И тем не менее оппозиция остается, списывать ее со счетов преждевременно. Я могу лишь пожелать ее лидеру на будущее по-серьезней относиться к тем, кто идет за ним, и не допускать впредь вопиющих, страшных своими последствиями ошибок. Вполне понятно, что в патриотическом движении Г. А. Зюганов не так давно. Но в таких случаях надо

прислушиваться к советам соратников. Об этом еще пойдет речь ниже.

Что же касается победителя Ельцина, все зависит от того, кто возьмет верх в его ближайшем и ближайшем окружении. Гайдары, чубайсы, бурбулисы, старовойтовы, явлинские... — России смерть! Останутся, разумеется, земля, останется некое подобие дебилизированного населения, останутся колониальные госструктуры, разервация, отстойник (подробнее читайте об этом в моем романе — предостережении «Бойна»), но России и Русских, как духовного феномена земной цивилизации не будет. Если придут люди, мыслящие по-государственному, дела могут медленно, тяжело, со скрипом пойти в гору. О самом Ельцине разговор особый. Некогда я надеялся, что пройдя через фазу разрушительства и всеуничтожения, подобно Сталину, он перейдет в фазу созидания и возрождения Державы, вывода ее из колониальной зависимости. Была такая надежда, несмотря на все прегрешения данного правителя. И внешне многое убеждало в этой трансформации: Ельцин начинал говорить о великой державе, о национальных интересах, о том, что «ни пяди родной земли» и т. д., то есть, на словах полностью вторил нам, патриотам России. Но на деле земли раздавались, интересы попирались... слова расходились и продолжают расходиться с делом. Сталин из Ельцина не получился (в хорошем смысле Сталин, как созидатель, строитель и хранитель Отечества). Видимо, причина тут за пределами нашего материального понимания событий. Ельцин обладал земными патриархами, возвеличен ими и благословен. Но Богом, судя по всему, он проклят. И шлейф Божьего проклятия повсюду тянется за ним: если он говорит о мире и подписывает очередной «план мирного урегулирования» в Чечне, жди кровавых сражений, множества жертв, горя и смертей; если предупреждает Америку, что не допустит притеснений и дискриминаций боснийских сербов, жди прямую оккупацию Боснии; если уверяет, что «ни пяди земли!», значит, китайцам отречут от России несчитанные гектары; если грозит НАТО не приближаться к нашим рубежам, то уж непременно жди, что Прибалтика и Украина в самое ближайшее время вступят в этот агрессивный преступный блок, объединяющий лютых и непримиримых врагов России... Такие вот дела.

Слова же остаются словами и растворяются в хляби небесной, зачастую сбивая очень многих с пути истинного. Очень хорошие и нужные слова говорит, к примеру, Лебедь. Дай, Бог, ему воплотить их в жизнь. Только неясно, каким образом это можно сделать в кольце лифшицев, пайных, чубайсов и сатаровых?! Всем все понятно, в ближайшие годы судьбу России будет решать не Ельцин, а роящиеся вокруг него русофобы... или же стоящие за его спиной мужи державные. Все зависит от расклада.

И вот тут приходит время советов, к которым следует прислушаться неопытным радателям за Отечество наше. Да, оппозиция — сильная, мощная, крепкая — нужна. Но ежели все силы будут брошены только в эту оппозицию и замкнуты в ней, властелин погибаю-

Наше дело правое, мы победим...

Заметки с Совета
Патриотического блока России

6 июля в Малом зале Государственной Думы за закрытыми дверями состоялся Совет Патриотического блока России, возглавляемого Г. А. Зюгановым. Посвящен он был итогам выборов и планам на будущее. Да, пока верным сынам России не удалось поставить во главе государства своего Президента. Да, было множество просчетов и промахов. Да, другая сторона опустошила казну, добиваясь победы. Да, чудовищное давление на избирателя в одностороннем порядке оказали средства массовой пропаганды... И все же стон и плачей в зале не было. 40% россиян отдали свой голос за патриотов. И это уже огромная Победа! Этого не скроешь ни от России, ни от всего мира! Да и 40% ли? Безусловно, прав был выступавший одним из первых Александр Ручкой. Он сказал, что мы, патриоты, никогда не одержим победы, сколько бы голосов ни набрали, до тех пор,

пока система подсчета этих голосов будет оставаться в руках у властей предрержащих — никогда они не покажут против себя. Намек предельно ясен. Но и без намеков никто не может отнять у меня право не верить режиму. Приведенный Г. А. Зюгановым пример с подсчетом голосов в Дагестане лишь подтверждает мои подозрения, что у патриотов отобрали от 20 до 30 процентов голосов избирателей. Три года назад я писал, что ни при каких обстоятельствах Ельцин не уступит трона. Ни при каких! Предсказание сбылось. Но радоваться нечему. Не машут кулаками после драки.

На Совете говорилось о многом. И все же, вновь и вновь повторяясь, не устану вычлнять главного; народная оппозиция постепенно прозревает — почти каждый из ораторов твердил о засилье средств массовой пропаганды. Один, наиболее прозревший, дал верное и образное определение сплоченной команде телепропагандеров, как «новой расе» — самодовлеющей и диктующей обществу свои интересы, свою политику. Тут единственно, что можно добавить: не совсем свою, эта «новая раса» имеет прекраснейший нюх и очень хорошо улавливает, что угодно хозяевам из-за океана... Вслед за прозревшими ораторами начинает постепенно прозревать и руководство блока. Надеюсь, что до Съезда Патриотических сил России

который состоится 7 августа с. г., оно прозреет полностью и поймет, что без выхода на телевидение ни о какой предстоящей победе даже и думать не стоит. А пока... Пока принята резолюция. Зюганов остается лидером. Другая сторона отдала слишком много сил для временного выигрыша, для отсрочки неминуемого... Хватит ли ее еще на четыре тяжких и гибельных года?! Может быть, выборы состоятся и раньше?!

Сидел я на Совете без специального приглашения, а просто по праву всего содеянного мною для России. И думал о тех, кого не было в этом зале, о миллионах русских патриотов, не имеющих пока своих представителей в блоке, об оппозиционных партиях, движениях, «фронтах», бурлящих и кипящих за стенами Думы. И еще думал о том, что сейчас надо отстаивать этот Думский островок, отстаивать, невзирая на готовящиеся страшные «акции» по очистке Думы от «коммунистов» (о таковых проговаривались сами демократы с телеэкрана — Шахрай и пр.). Отстоять, переждать время озлобленной реакции «пятой колонны», воодушевленной мнимой своей победой. Надолго их не хватит. Надо выстоять и идти вперед дорогой не распрей, но созидания!

Главный редактор

шей России останется сам в полной власти ее губителей. Сейчас жизненно необходимо, презрев личные и партийные интересы, всеми способами, всеми силами «просачиваться» в госструктуры, в структуры власти, непосредственно в окружение президента — и не ломать, не взрывать, не топить огромный корабль государства на ходу, а медленно, уверенно и неуклонно поворачивать подалеже от рифов на широкую и спокойную океанскую гладь. Каждый человек в правительстве, в аппарате президента, в Думе, человек, мыслящий национальными интересами — это и есть Спаситель России. Наш враг, когда проникал в структуры госвласти и разрушал Державу изнутри в угоду «мировому сообществу», действовал подобно паразиту, подло и низко. Патриоты-державники, проникающие внутрь наших же госструктур и возрождающие, исцеляющие их изнутри, восстанавливающие их — творят самоотверженное, мужественное и благородное подвижничество. Дракона вырождения и смерти не удалось поразить в открытом бою, как это сделал Святой Георгий. Значит, этого «дракона», засевшего в нашем «замке», надо выбивать по частям (недаром даже в сказках драконы и змеи многоголовы и живучи), изнутри в каждодневной и святой битве.

То же касается и средств массовой пропаганды и, прежде всего, телевизионных. Государственной Думе, пока ее не разогнали или не трансформировали полностью в удобную чужакам, следует рассмотреть и принять закон о СМИ, о ТВ, о недопустимости антигосударственной и антинациональной пропаганды, о недопустимости функционирования ТВ и прес-

сы на деньги зарубежных рекламно- и фильмотделителей (как известно, кто платит, тот и заказывает музыку, и то, что иноземные «фирмы» и спецслужбы разрушают наше Отечество при посредстве нашего же отечественного телевидения, не должно быть допустимо, Дума не должна поддерживать колониальной политики слоев, враждебных России).

Власть и пропаганда. Вот два ключевых момента. «Голос Вселенной» уже писал о трагической безответственности двух крупнейших думских фракционеров, Зюганова и Жириновского, которые после победы своих фракций на декабрьских выборах почтили в лаврах на полгода, пренебрегая интересами Державы и отдав ТВ на откуп врагам ее! Если подобное будет продолжаться, если оппозиция вновь ляжет в спячку на ближайшие четыре года и не будет даже пытаться «оседлать» ТВ, она убьет Россию и, в первую очередь, себя. Повторяю, в гибели России будут виноваты не ее прямые враги, враг он всегда враг, он всегда есть, он лишь пользуется нашей слабостью и дуростью. Виновными будем только мы, считающие себя Русскими.

Да не обидятся на меня те патриотические лидеры, которых я подверг в этих заметках критике. Я с должным уважением отношусь к Геннадию Андреевичу Зюганову, голосовал во втором туре за него и желаю успехов ему в дальнейшем, во всяком случае надеюсь на его здравый ум и его упорство. Но сейчас не время для расшаркиваний и восхвалений. Взлся за гуж, не говори что не дюж! Страна и народ на грани исчезновения с планеты Земля. И те недопустимые дважды повторенные ошибки,

приведшие к упрочению власти «пятой колонны», ошибки, для которых я был вправе найти более точное и горькое определение, но пока не делаю этого, дают мне основание выставить очень серьезный счет в первую очередь именно лидеру коммунистов, возглавившему патриотическое движение. Больше ошибаться нельзя!

P.S. 5 июля с. г. В. Жириновский выступил в Думе с инициативой о национализации хотя бы одного из телевизионных каналов, о предоставлении его Думе и правительству. Наконец-то услышан голос здравого смысла! Не может быть все телевидение в стране продажно-коммерческим! Вот теперь будет видно на практике, кто у нас патриот, а кто дует лишь в свою дуду! Закон о государственном телевидении должен быть поддержан. Дума, в том числе и фракции Зюганова и Жириновского должны иметь прямой выход к народу! Да, будет страшное противодействие со всех сторон. Да, возможны и травля, и даже «отстрел». И проще, удобнее отсидеться, как это бывало с некоторыми, отлежаться в сторонке, остаться хорошим для всех. Но именно это и станет прямым предательством национальных интересов. Пока «пятая колонна» не раздавила Думу, надо брать средства массовой информации в свои руки. С окончанием президентских выборов борьба за Россию не ослабевает, она только начинает входить в свою решающую стадию. И вопрос не в том, кто займет самое верхнее кресло, кто усядется на троне. Вопрос в другом — быть или не быть России.

Юрий Петухов, писатель

Как мировому жандарму врезали по зубам!

Бог все видит. И наказание за преступления рано или поздно приходит. В своих предыдущих статьях в ГВ я много раз писал, что Америка за свою беспрецедентно-наглую колониально-оккупационную политику в отношении остального мира рано или поздно получит по зубам. И она получила! Это первый, еще прикидочный, примечательный слабый удар. Но удар! Взрывом на базе ВВС США в Дахране (Саудовская Аравия) уничтожено 19 оккупантов, около четырехсот получили ранения. База эта расположена невдалеке от наших границ, как вы догадываетесь, не для охраны российских рубежей, а совсем напротив, чтобы вовремя и точечно нанести по нашим городам и весям мощнейший удар. Но пока что они получили сами первую затрешину от неизвестных радетелей земли Саудовской. Что ж, народ имеет право говорить с непрошенными гостями на доступном им языке. Почему доступном? Потому что, к примеру, когда нахальные янки вторглись в Сомали, куда их никто не звал, они думали, что все пройдет гладко, как всегда. А мужественные сомалийцы с ходу, без раздумий, отправили на тот свет пару десятков агрессоров. В Штатах поднялся дикий истерический животный вой — ведь трусливые убийцы не любят умирать, они любят убивать. И лихие «супермены»-налетчики вынуждены были бежать как крысы. К сожалению, в Ираке у Саада Хуссейна не хватило воли выполнить свои обещания: стоило бы ему уничтожить пару взводов захватчиков и подлая «война в заливе», в результате которой были уничтожены тысячи мирных жителей и стерты с лица земли бесценные исторические памятники (территория Ирака — это обитель древнейших цивилизаций, Земли, за совершенное варварство США обязаны отвечать перед международным трибуналом) имела бы совершенно другой исход. Зарвавшегося наглецу надо бить по зубам. Иначе бить будет наглец. Так получилось в Боснии. Национальный герой этой маленькой, но великой страны, Радован Караджич поверил агрессору, подписал пресловутый, униженный, бесправный и подлый «дейтонский мир», подписал, не понимая, что имеет дело с существами бесчестными, которые поставили себе целью уничтожить одну сторону, которые сами при посредстве своих спецслужб развязали страшную бойню во имя истребления православных славян. И вот теперь объявлена травля Караджича, будто это не мусульмане отрезали тысячам сербов головы, а наоборот. Началась охота на человека, которому со временем будет оставлен памятник, как защитнику сербов от врага. Невозможно упрекать

героя, который в одиночку, с маленькой горсткой отчаянных храбрецов в течение долгого времени давал отпор всем силам зла планеты, который один, преданный, брошенный, отражал агрессию «мирового сообщества». И все же у него у первого не выдержали нервы — ведь трусливая, привыкшая убивать из-за угла и на расстоянии Америка — уже готова была бежать из Боснии, еще два-три сбитых самолета, еще совсем немного. Вслед за ней убралась бы и прочие натовские головорезы. Я не призываю к насилию, нет! Насилие творят те, кто приходит силой на чужие земли. И каждый народ имеет полное право и даже обязан бить таких пришельцев. Нам самим сейчас тяжело. Наша земля не свободна от ига чужеземного. Но сейчас ясно одно, предельно ясно — впереди у Америки тяжелые времена, страшные. Она еще почти и не подозревает об этом. Народы начинают пробуждаться от спячки. Простые японцы дают отпор американским насильникам, терзающим и убивающим их женщины. Они уже не хотят безропотно сдавать свои земли под базы карателей-держиморд. Начинают задумываться о своем будущем немцы — до какой поры им терпеть оккупантов?! Волны возмущения прокатились по Китаю, куда Америка приноровилась свозить радиоактивные отходы. Жгут церкви в самих Штатах, и уже ждут свое часа «черные мусульмане». Порабощенные, придавленные, запуганные народы мира тоже выжидают начала, «волны», которая прокатится по планете, сметая вончуму двадцатого века — мировых жандармов, надзирателей «нового мирового порядка». Час расплаты придет. Ибо, как сказано было ранее, Бог все видит.

Мы не выражаем соболезнований родным и близким американских наемников. Слишком много горя принесла Америка нам за последние годы, нанесла ущерб, который выражается в миллионах человеческих жизней и в триллионах долларов разрушенного хозяйства. Мы будем выражать Америке соболезнование, когда сами пошлем туда «силы мирного урегулирования» для ее же спасения от внутренних жесточайших распрей. Так будет! Мы придем не агрессорами-оккупантами. Мы придем разнимать убивающих друг друга. Не за горами большие финансово-экономические «войны» между Америкой и Европой, Америкой и Юго-Восточной Азией, не за горами новая Великая депрессия в США, не за горами крах дутой империи. Сейчас мир в ней и межнациональное спокойствие удерживается исключительно огромными подачками «национальным меньшинствам» — неграм, мексиканцам, пуэрториканцам, которых в совокупности там уже больше половины населения, и т. д. В Штатах все накалено до предела. И стоит золотому дождю (высасываемому из всей порабо-

щенной планеты) прекратиться — резня неминуема. А «дождик» этот иссякнет. Новое столетие, как и было предсказано в «Прорицании» (см. ГВ № 1 1996 г.) — это столетие гибели Америки. «Прорицание» успешно сбывается, наши постоянные читатели знают об этом. И к нему добавить нечего — как говорится, Бог в помощь!

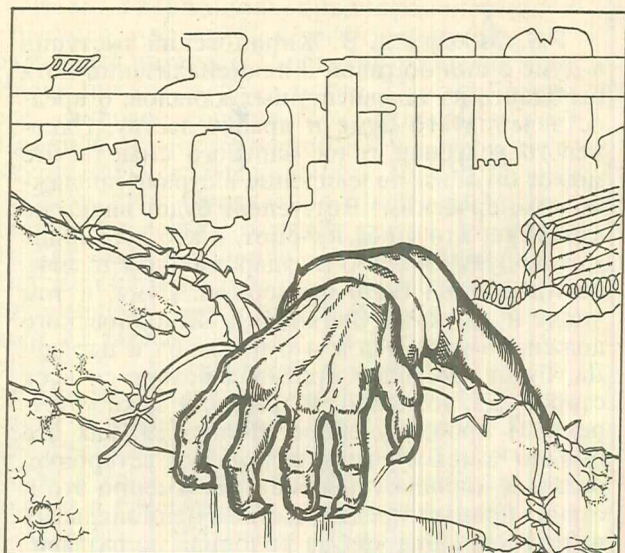
«План мирного урегулирования» — что это, план превращения всей России в кровотокающую Чечню?!

Что, в конце концов, творится в Чечне?! Для чего выводятся оттуда боевые соединения?! Для чего снимаются по всей территории блок-посты?! Разве бандиты уже уничтожены или разоружены?! Головорезы, вооруженные до зубов, вновь занимают города и села, при очищении которых от них погибли тысячи русских ребят. Что происходит?! Неужели непонятно, что огромная, чудовищная сила, подобно исполинской, до предела сжатой пружине не остановится в границах Чечни, что она вслед за бегущей армией вырвется наружу, сначала на весь Кавказ, а потом и... Происходящее невозможно объяснить с точки зрения здравого смысла и национальных интересов. В чем причина?! Или бандиты победили нашу армию?! Или такова установка американской администрации?! Боевики торжествуют победу! И вместе с ними торжествуют и воодушевляются потенциальные боевики-националисты по всему Кавказу, по многим регионам России! Может, кому-то выгодно, чтобы огонь беспощадной, жесточайшей войны перекинулся на всю Россию?! Может, кому-то выгодно залить кровью сначала «красный пояс» по всему Северному русскому Кавказу, а потом утопить в крови и тысячи назревающих по России «голодных» бунтов, волнений, забастовок?! Может быть, все это и есть практическое претворение в жизнь планов «мирового сообщества» по уменьшению населения России?! Кто в таком случае правит страной?

Юрий Петухов

Оккупация России.

Александр Зиновьев и Юрий Петухов о
готовящемся вторжении оккупантов.

ОККУПАЦИЯ РОССИИ

Записки из Государственной Думы

То страшное, о чем предупреждали мы еще два и три года назад, о чем думал с содроганием каждый мыслящий русский, не решаясь сказать об этом вслух, приближается неотвратимо как возмездие самого Рока за слабость, трусость, предательство. Пять лет назад наша держава утратила независимость и негласно перешла в разряд полуколониальных неустойчивых образований. Многим казалось, что этим ограничится дело, что великодушный победитель махнет на нас рукой и «даст нам жить»... Нет. Победитель оказался, как и следовало ожидать по-западному расчетлив, жесток и последователен. Победитель наш, не давая нам передышки, загоняет Россию в угол, чтобы покончить с ней уже раз и навсегда, чтобы добить ее. На нашей недолгой памяти горькая участь Югославии, и не подозревавшей пару лет назад, что она будет прочно и надолго оккупирована врагом, что ее напрочь лишат собственной воли и права распоряжаться своей судьбой. Оккупированная Босния, сотни тысяч растерзанных славян, миллионы изгнанных из своих домов православных, наглость, лицемерие, подлость двойной морали по отношению к последним нашим братьям в Европе — все это и было роковым предупреждением нам. Многие ли услышали его, многие ли узрели?!

26 июня с. г. я был в Думе на встрече с Александром Александровичем Зиновьевым известным политологом, философом, писателем и вечным инакомыслящим, обличавшим некогда коммунистов, а ныне демократов (тех же большевиков-перевертышей; просьба, не путать с подлинными русскими коммунистами, воспринявшими идею о всеобщем равенстве и абсолютно не имеющими никакого отношения к зверствам большевиков-демократов образца восемнадцатого-двадцатых годов и их наследников хрущевцев-шестидесятников). Автор нашумевших «Зияющих высот» говорил о многом. Но я приведу дословно то, что мне показалось главным. Итак:

«Основная тема, которой я сейчас занимаюсь, это исследование технологий манипулирования огромными человеческими объединениями. И прежде всего — технология разрушения Советского Союза и России, технология манипулирования нашей страной. (далее А. Зиновьев вкратце коснулся предвыборной «чистки» в верхах) ...меня абсолютно не интересует, в каких отношениях эти люди между собой ...но все последние события с точки зрения техники работы над нами — это шито белыми нитками, все слишком кстати, пришел, увидел, разоблачил ...неужели среди вас еще найдутся люди, которые верят в «спасителей России»?! Это элемент одной, какой-то большой задуманной операции, о которой не хочется думать — страшно».

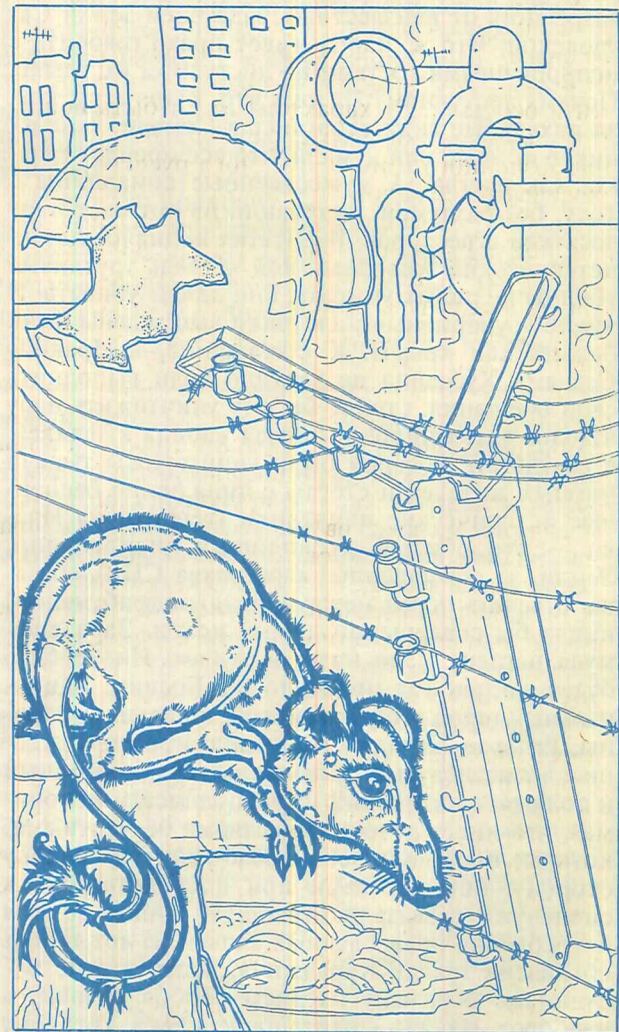
Один из вариантов, который я допускаю и которого больше всего боюсь, возможен такой — возможна какая-нибудь крупномасштабная провокация. Убедить мировое общественное мнение, что русские не способны к самостоятельному государственному существованию! Что они опасны для всего человечества! И под

этим соусом оккупировать Россию войсками НАТО и США. Причем, сделать это элементарно. Когда мне возражают: «что вы! такая огромная страна!», я отвечаю — манипулировать миллионами легче, чем манипулировать одним человеком или десятками людей, десятками миллионов еще легче манипулировать. Еще легче! А главное, состояние русской армии, я думаю, вам хорошо известно. Как ни горько это осознавать, наша армия небоеспособна с точки зрения современных требований. Она способна воевать против своего народа. Но не против внешнего врага. Я убежден в том, что если появятся солдаты НАТО или американские на улицах наших городов, в них стрелять русская армия не будет. Не будет! И потом, для оккупации страны сейчас не нужно, как это делали немцы, посылать солдат во все деревни, города и т. д. Достаточно занять несколько опорных пунктов и в кратчайшие сроки ликвидировать атомный арсенал страны. И тогда со страной можно делать что угодно!»

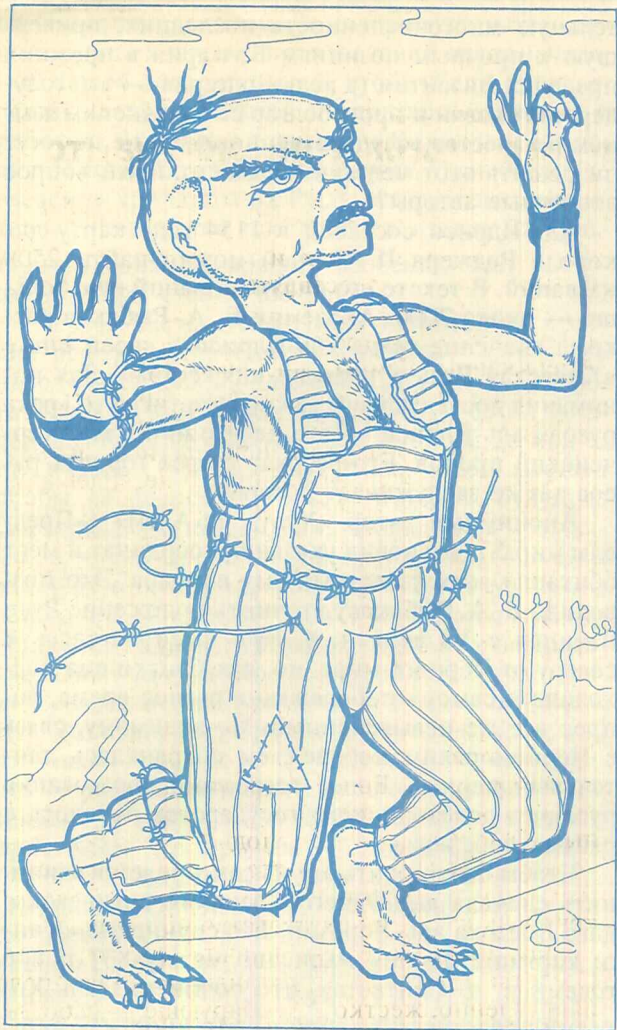
Таково мнение человека, который в своих прогнозах почти никогда не ошибался и который по своей врожденной совестливости до сих пор корит себя, что невольно приложил руку к делу крушения великой советской (а по сути, Российской) Империи.

Зиновьев безусловно прав. Повод найдется. И армия наша, потерявшая право именоваться Русской, безусловно без выстрела «ляжет под врага», с которым уже ныне проводит маневры по подавлению возможных народных бунтов. Само собой, что армия не будет стрелять в американских солдат на улицах наших городов. Армия будет стрелять в тех русских, кто осмелится поднять голову и не согласиться с оккупацией Родины. С девяносто первого и девяносто третьего годов изменилось очень многое, и ныне по всей России не найдется ни одного мятежного соединения, готового вступить за честь поруганного Отечества — ни полка, ни роты, ни отделиния. Но уважаемый всеми нами Александр Зиновьев не учитывает всех реалий нынешнего положения в Европе. Американские солдаты?! Нет, их, скорее всего, не будет на улицах наших городов и поселков. Янки займут важнейшие объекты, где их жизнь будет вне малейшей опасности, они будут выполнять свою миссию в России под охраной российской армии. Американцы слишком высоко ценят свои жизни, это показали оккупационные войны в Боснии, Ираке, Сомали и т. д. Но означает ли это, что карательные операции и общее патрулирование в городах и селах России не будут проводиться? Совсем нет. Будут! Но для этого возможно применение менее ценного биологического материала. В годы так называемой «гражданской войны» функции карателей в России выполняли венгры, прибалты, китайцы, чеченцы и т. д. Мы в праве ожидать что и в предстоящей оккупации нашей страны вся черновая, повседневно-карательная работа будет переложена на тех, кто ныне лишь добивается полноценного участия в НАТО — то есть, на те же «международные силы урегулирования» из Чехии, Венгрии, Польши... и прежде всего, конечно, из Латвии, Эстонии, Украины, Молдавии. Превосходную практику ведения карательных операций отдельные представители данных образований получили в Чечне — то есть, на законной территории Российской Федерации. Тем самым был преодолен комплекс прежнего содружества, братства и т. д. Чечня научила нас горькой правде: украинец может убивать русского, эстонка может стрелять в татарина, латыш может перерезать плотку мордвину. Нас уже стравлили. А их, ныне «суверенных», уже научили истреблять «старшего брата» — причем, истреблять под благозвучной вывеской «борьбы за подлинную демократию» и «право народов на самостоятельность». Рубикон перейден. И в этом Америка и НАТО, не утратив ни одного солдата, не пролив ни капли собственной крови, достигли своей страшной для нас цели. И поэтому те, кто рассчитывает, что узрит «фирменных» улычиво-высокомерных янки на патрульных джипах посреди московских улиц, ошибаются. Комендантские проверки, патрулирование, задержания, пресечение сборищ и прочие мероприя-

тия как в Москве, так и в других населенных пунктах будут осуществлять хмурые и беспощадные «латышские стрелки» да братья-«хохлы» с трезубцами на нарукавных повязках и кокардах. Американцы, немцы, англичане будут в основном незримо для простого люда управлять так-выми. Оккупация неизбежна. К ней нас уже подготовили морально и психологически. Даже десятилетний мальчуган, ничего не видевший в жизни кроме дешевых американских фильмов, совершенно четко знает, где «наши» (американские «супермены» типа Рэмбо) и где «всякие гады» и враги (северные вьетнамцы, русские и т. д.). Идеологическую базу под оккупацию России «мировым сообществом» уже давно и основательно подводит наша так называемая «творческая интеллигенция», демократические «мастера культуры» и прочие составляющие «пятой колонны» — в основном, это выражается в силовом навязывании ложного стереотипа, мол, Россия сама не сможет обеспечить безопасности на атомных объектах, не сумеет поддерживать экологический баланс и, тем более, мир в своих регионах — для всего это, дескать, обязательно нужен контроль извне, вмешательство «просвещенного запада, наблюдатели и прочие «благотетели». Средства массовой пропаганды работают целенаправленно, жестко и зомбирующе — работают против страны, против народа, работают исключительно на «новый мировой порядок», в котором места для России не предусмотрено. Здесь можно однозначно согласиться с Александром Зиновьевым — манипулировать десятками миллионов чрезвычайно легко. Подавляющая часть этих «десятков миллионов» полностью разложена, раздавлена, в значительной части споена и доведена до тупого животного равнодушия к своей дальнейшей судьбе. Установка «сами мы пропадем», вбитая в головы десятков миллионов за последние восемь лет, лучшим образом подготовила условия для предстоящей оккупации. Многие давно ждуг прихода «варягов», ни для кого не секрет, что бытует в толпах отчаянный крик: «Пускай хоть чужие придут править, лишь бы порядок навели да хорошую для нас жизнь сделали!!!» Да, придут. Порядок наведут, но на свой манер. Что касается хорошей жизни, то можно и самим пораскинуть мозгами: ежели сейчас, в преокупационно-колониальный пе-

Художник Алексей Филиппов. Резервация

риод смертность в России превысила (это лишь официально!) рождаемость на полтора миллиона в год, то после непосредственной оккупации этот показатель вырастет до трех-пяти миллионов (как известно, по планам «мирового сообщества», к 2025 г. население России следует сократить на три четверти). Почва, и материально-физическая, и морально-психологическая, для превращения России в резервацию полностью подготовлена. Но несмотря на полнейшую деградацию населения, которое уже язык не поворачивается называть народом, спецслужбы запада через властные колониальные госструктуры проводят дополнительные мероприятия на случай возможных проявлений недовольства в центральных городах и областях Российской Федерации. Для этого в течение последних семи-шести лет проводится политика интенсивного разбавления русского населения инородными национальными группировками-общинами, которые, как наиболее привилегированные в данных районах и городах, при введении оккупационного режима безусловно поддержат «новый порядок» и в силу родовой преданности организационности и особых черт характера могут быть использованы властями для подавления бунтов среди разрозненного и несплоченного русскоязычного населения. В одной только Москве и Московской области ныне проживает не менее двух миллионов официально зарегистрированных лиц кавказской национальности и около двенадцати миллионов незарегистрированных «гастролеров». Власти не спешат с их выселением, хотя могли бы это сделать в течение месяца. Власти заинтересованы в присутствии кавказцев в Москве и в России, и используют их как одну из своих опор в преоккупационный период. О роли таковых во время непосредственной оккупации лучше не задумываться, казачьи спецслужбы и кое-кто из выживших касторов знают, какую роль сыграли при большевиках, скажем, чеченцы для «умиротворения» русских на их исконной земле: казачьи станицы вырезались поголовно... Безусловно, у нас остается последняя и единственная надежда на то, что «мировое сообщество» все же не допустит в нынешней оккупированной России такой или большей резни, что была устроена в «гражданскую» нерусским населением в отношении русского... И все же никто не сможет предоставить нам никаких гарантий, потому что реакция запада на геноцид в России бывает странной. Когда в 93-ем в Москве расстреливали парламент и убивали тысячи мирных граждан, запад ликовал и вовсе не призывал к миру. Точно так же он относился и к истреблению сербов в Боснии — чем больше, тем лучше. Поэтому питать излишние иллюзии мы не имеем права. Мы сейчас живем как в тумане, совершенно не видя подлинной картины мира. А она

такова. Несмотря на полнейшее поражение России в схватке двух супердержав, русские для запада все еще остаются тем «мировым злом», которое надо искоренить полностью. Мы, русские, этого не хотим осознать. Но наши собратья по разваленному Союзу давно поняли, в чем суть «нового мирового порядка». И они — украинцы, молдаване, прибалты, а вслед за ними и те, что еще формально числятся в составе России — панически боятся одного, что «мировое сообщество» будет продолжать отождествлять их с русскими, то есть, заодно с русскими искоренять, истреблять, дискриминировать и их. Они всячески отрешиваются от нас, не желая попасть в чудовищную мясорубку. В этом причина бесчисленного множества принимаемых антирусских законов, стремление как можно быстрее изгнать русских со своих земель или превратить их в бессловесных «граждан» третьего сорта, маниакальное и странное даже для НАТО и т. д. Картина ясная и четкая: наши бывшие «собратья», говоря, попросту, выслуживаясь перед «мировым сообществом» и спасая самих себя, не пожалуют ни сил, ни рвения на выполнение установок этого «сообщества» в отношении России. Повторяюсь, можно сказать — оккупация России predetermined.

Многие, правда, ныне выражают надежду, что таковая оккупация пойдет только на пользу стране, что, мол, в свое время (да и до сих пор) были оккупированы Германия и Япония, что не помешало стать им индустриальными гигантами с прекрасным жизненным уровнем населения. Это все верно. В отношении данных двух стран. Но нынешние русские это далеко не немцы и не японцы. И если Россия, то это будет принята. Уже сейчас трудно найти в верхних эшелонах и уж тем более, в элите банковско-коммерческого мира России этнических русских. При оккупации и после нее русских вытеснят полностью и отовсюду. Россия останется, но она не будет русской страной. Вырождающееся русское население будет потихоньку вымирать в резервациях и отведенных для него районах-помойках, подобно индейцам в США. Наиболее способные, умные, энергичные, красивые выедут за пределы страны, чтобы навсегда раствориться в иных нациях.

Возникает естественный вопрос, когда же начнется оккупация?

В незаметной, ползучей форме она проводится уже сейчас. О конкретных же сроках говорить не приходится. При осуществлении крупномасштабной провокации верхами, вторжение может начаться в любой день и любой час — боснийский бронированный мобильный «кулак» НАТО всегда наготове, как и силы быстрого реагирования прочих перечисленных выше стран и группировок. При постепенном и планомерном разворачивании событий оккупация может осуществиться с 1997-го по 2000-ый год, тут разумеется, многое зависит и от того, когда именно и какие суммы выделит Конгресс США на завершение операции «третья мировая война», и от исхода выборов за океаном (но, отнюдь, не у нас). Расклад сил, безусловно, в абсолютную пользу противника. Крысы уже давно бегут с «тонущего корабля». Многие, подобно почти всем звездам и полужвездам кино, театра, эстрады, рока и т. д. еженощно и ежечасно клянутся в своеобразной форме в лояльности «новому мировому порядку». Их не тронут. Крупных воротил и чиновников, способствующих осуществлению колонизации и оккупации, также не подвергнут репрессиям. Всем же прочим стоит задуматься.

Надо отдать должное принципиальности и бесстрашию Государственной Думы, в чьих стенах наконец-то открыто и громко, при большом стечении журналистов и депутатов, прозвучало то страшное, что давно мучает мыслящих русских людей. Средства массовой пропаганды, разумеется, в очередной раз утаили правду о грядущей судьбе России. И все же она просачивается в массы. Перед ликом смертельной опасности человеку не пристало прятать голову в песок подобно страусу. От нас уже ничто не зависит. И все же...

**Кому выгодно держать народ в страхе?!
Разделяй, обделяй, лишай прав и защиты,
Доводи до животного ужаса ... и властвуй!**

Художник Алексей Филиппов.

Иллюстрации-аллегии к пророческому роману Ю.Петухова "Бойня", повествующему о Резервации, созданной "мировым сообществом" в XXI веке на месте бывшей России.

P.S. К сожалению, события развиваются быстрее, чем нам бы того хотелось. Пока мы только еще рассуждаем о возможности оккупации России американскими войсками, высокопоставленные представители этих самых войск, установители «нового порядка» уже хозяйничают на нашей Родине. 5 июля с. г. с инспекционной проверкой ракетных войск стратегического назначения России прибыл бригадный генерал 20-ой Воздушной армии и космического командования ВВС США Томас Нери с комиссией из Пентагона. Ничуть не смущаясь, наглые янки, окруженные приветливо-подобострастными российскими генералами, заявили, что важнейшей задачей для них является взятие под контроль содержания на территории России ракетно-ядерных систем, предупреждение дальнейшего развития систем противоздушной обороны России и предупреждение случаев терроризма по отношению к ядерному оружию в России. По этому поводу, ясно даже младенцу. Новые хозяева мира не ограничиваются раздроблением России, уничтожением ее армии и флота, выводом ядерных вооружений с Украины и из Белоруссии. Они намерены наложить лапу на то последнее, что осталось у нашей страны. Когда они свершат намеченное, Россию можно будет брать голыми руками. Прямая оккупация началась! Власти бездействуют, мало того, потворствуют оккупантам!

**Серия диверсионных акций
в Москве (взрывы и пр.) на —
водит на мысль, что под
"чеченской" вывеской спец —
службы "мирового сообщества"
(внешние и внутренние) про —
водят тщательно спланирован —
ную операцию — провокацию —
одну из составляющих круп —
номасштабной провокации,
в результате которой и будут
введены в Россию междуна —
родные вооруженные силы
палачей — "миротворцев".**

Владимир Щербаков

ПОТОМКИ СЫНОВ ЛЕОПАРДА

Римский историк Тит Ливий писал об этрусках 1-го тысячелетия до н. э. следующее: «Империя этрусков до Римской империи охватывала значительные пространства по суше и по морю. Названия свидетельствуют о том, что они господствовали на верхнем и нижнем морях, которыми омывается Италия наподобие острова. Одно из них италийские народы называют Тусским, по имени народа, другое — Адриатическим, от Адрии, колонии этрусков, греки же — соответственно Тирренским и Адриатическим. И, распространяясь по тому и другому морю, они заселили землю своими двенадцатью городами».

Пятидесятивесельные этрусские корабли — пентеконтеры — достигали двадцатипятиметровой длины и бороздили средиземноморские просторы как вблизи Этрурии, так и в самых удаленных от нее местах. Боевые суда этрусков снабжались подводным металлическим тараном, который римляне называли ростром. На монетах Ветулонии и других этрусских городов-полисов можно увидеть изображение усовершенствованного якоря с двумя металлическими лапами. Нетрудно понять удобства, даваемые таким якорем: до его изобретения использовались якорные камни и корзины с камнями. Многие находки этрусских мастеров продолжают традицию, берущую начало в Восточной Атлантиде.

Мастер VII века до н. э. изобразил морской бой. На палубах двадцативесельных кораблей стоят вооруженные воины. Один из кораблей явно собирается таранить противника. Это этрусское судно.

Роль моря в жизни этрусков столь велика, что само появление их на Апеннинском полуострове иногда связывается с длительным морским путешествием.

Уместно вспомнить, что древней родиной викингов, отдаленных родственников этрусков, является черноморское или каспийское побережье. Вождя викингов, приведшего свой народ в Скандинавию из Причерноморья, звали Одином; после смерти его провозгласили богом. Снорри Стурлусон считает, что причиной переселения послужила римская экспансия. Случилось это примерно в I веке н. э. Автору этих строк довелось познакомиться с развалинами римской крепости близ Пицунды — наглядным свидетельством натиска Рима на восток.

Есть свидетельство, что на рубеже нашей эры в альпийских долинах говорили еще по-этрусски. Позднее рутены совершили переход к Днепру, «на родину». Возможно, в этом походе участвовали потомки этрусков из северных районов.

* * *

Что именно дала Этрурия Риму? Вот краткий перечень: музыкальные инструменты, ростверк и якорь, театр, горное дело, керамику и металлообработку, траволечение, мелиорацию, города в Италии, искусство гадания, капитолйскую волицу. Согласно преданию, этруская династия правила в Риме с 616 по 509 год до н. э. Влияние этрусков распространилось на всю Италию. Этрусские кулачные бойцы участвовали в римских празднествах. Почти все, что этруски построили в «вечном городе», римляне впоследствии определили эпитетом «величайший». Этруская система каналов и сегодня является частью городского хозяйства Рима. Этрусский щит, этрусское копье, этрусские доспехи надежно защищали Рим и Италию. Мюлештейн писал: «Этрурия — колыбель Рима. Рим — могила этрусков». Небезынтересно отметить, что этрусские пророки смогли точно предсказать время гибели Этрурии. С ослабленной Этрурией было покончено, когда римские императоры стали селить на ее земле римлян.

Этрусское искусство было открыто недавно; стремясь доказать свое происхождение от богов, римляне постарались «забыть» о «толстых этрусках», как они их пренебрежительно называли. Но величайший архитектурный памятник — это все же не пирамида Хеопса, а этруская гробница в Клузии. Дело не только в размерах. Вот

как Плиний Старший описывает могилу близ Клузия:

«Порсенна похоронен недалеко от Клузия, где оставил четырехгранный памятник из каменных плит; длина его сторон составляет 300 стоп (88,8 метра), высота 50 стоп (14,8 метра). В этом квадратном постаменте расположен непроходимый лабиринт; если кто-нибудь в него войдет без клубка шерсти, то не сможет найти выход. На этом четырехгранном постаменте стоят пять пирамид: четыре в углу и одна в центре. У основания они шириной 75 стоп (22,2 метра), а высотой 150 стоп (44,4 метра). Они сужаются в высоту так, что сверху покрыты металлическим кругом, с которого свисают колокола на цепях. Их раскачивает ветер, и их звук слышен вдали, так же как это было в Додоне. На этом круге стоят четыре пирамиды, каждая высотой 100 стоп (29,6 метра). Над ними на общем основании стоят пять пирамид, высоту которых Варрон не сумел привести; этрусские источники, однако, утверждают, что они были так же высоки, как вся постройка до них».

Ни Варрон, со слов которого это было записано, ни Плиний не могут привести сведений о третьем этапе пирамид, потому что архитектурный замысел этрусков остается для них за семью печатями. Между тем в этом величественном надгробии сквозит идея изменчивости всего сущего, идея движения (пронизывающая этрусское искусство). В сооружении использованы самые простые формы. Именно этот эффект и не позволил, вероятно, оценить высоту верхнего этажа пирамид. Пирамиды эти были разновеликими, что еще более усиливало иллюзию метаморфозы. Центральная пирамида верхнего этажа была высотой 74 метра (это сумма высот первого и второго этажа пирамид). Четыре боковые пирамиды создавали впечатление верхней ломаной линии, которая гармонично сочеталась с нижним изломом у квадратного постаментов. Они были меньшей высоты — ее нетрудно рассчитать: 19,7 метра. Уменьшающаяся от этажа к этажу высота пирамид создавала плавную линию; квадратное основание и высокая верхняя пирамида придавали сооружению стройность. Все вместе создавало ощущение неповторимого движения с резкими переходами от одной пирамиды к другой. Но римские историки не могли понять и другого: пирамидами они называли этрусские шатры — основу многих последующих архитектурных форм.

Все сооружение выше пирамиды Хеопса, но производит совершенно иное впечатление.

Этрусские пирамиды-шатры, однако, не так долговечны, как сплошное каменное тело. Но ведь и разрушение, по мысли этрусских мудрецов, лишь одна из форм движения. Может быть, именно гробница в Клузии наводит на мысль об общих истоках древнейшего обычая строить пирамиды, который известен и по ту и по эту сторону Атлантики. И снова уместен вопрос: не Атлантида ли родина этого обычая?..

* * *

Схематичность и скудность сведений вообще характерны для средневековых карт и географических описаний. Когда же речь идет о «варварах», то античная традиция прямо-таки не оставляет для них места ни на суше, ни на море. Монахи веками придерживались старых образов и продолжали обозначать многие страны и области названиями бывших провинций Римской империи. Веками признавали они лишь те народы и государства, которые приняли христианство. Но, имея в виду некоторые вышеизложенные вопросы, есть смысл задать и такой: что же известно о Руси дохристианского периода?

Прежде всего топонимику, восходящую к имени Русь, удастся выявить на Дунае для середины IX века н. э. в немецких источниках «Житие Св. Георгия Амстридского» и «Житие Св. Стефания Сурожского» упоминают Русь в Северном Причерноморье. Упоминания эти переносят нас сразу в VIII век. Ранее этого времени Руси как будто бы не существует ни в умах сеятелей христианства среди «варваров», ни в умах современных западных историков и публицистов.

Но если классическое римское воспитание помешало средневековым историкам и географам рассмотреть Русь и славян, несмотря на относи-

тельную многочисленность последних, приведшую к прочным позициям Болгарии в прежних пределах Византии (а ведь Болгария — это государство славян и протоболгар со славянским языком в качестве государственного), то не помогут ли решить этот нелегкий и шекотливый вопрос восточные авторы?

Аль-Идриси составил в 1154 году карту для короля Роджера II. На ней можно найти 2500 названий. В тексте его книги названий еще больше — около 7000. Академик Б. А. Рыбаков раскрыл значение труда аль-Идриси в своей книге «Киевская Русь и русские княжества». Для понимания последующего важно отметить, что «река русов» аль-Идриси — это не что иное, как Керченский пролив. Его рассказ о трех городах русов также заслуживает доверия.

Анонимный автор «Худуд ал-Алем» («Пределы мира») остановил указания координат и мест обитания всех известных ему народов. Это позволило Б. А. Рыбакову уточнить положение Руси начиная с VI века н. э. Русь располагалась к северу от Черного моря, но, как близко она подходила к самому побережью в разное время, вопрос все же невыясненный. По-видимому, связь с Черноморским побережьем сохранялась длительный период. Более того, само образование русского долетописного государства началось с района побережья.

Чтобы подтвердить эту мысль, придется вспомнить сначала выдающегося ученого средневекового Востока аль-Хорезми. Его сочинение «Книга картины Земли» написано между 837 и 846 годами н. э. Считается, что сочинение аль-Хорезми представляет собой не что иное, как переработку «Географического руководства» александрийского ученого II века н. э. Клавдия Птолемея. Однако это не соответствует действительности, по крайней мере в той части труда, которая посвящена Северному Причерноморью. Аль-Хорезми называет среди прочих следующие города этого региона: Арусиния, Арсаса, Растянис. Во всех этих названиях (если учесть возможное выпадение гласных) присутствует корень «рус» или «рас». Одно это не дает возможности, к сожалению, прийти к однозначным выводам. Неизвестно к тому же, о каком времени идет речь в книге аль-Хорезми. По карте и по тексту ясно, между прочим, что Азовское море не соединяется с Черным. Это написано вопреки Птолемею. Аль-Идриси позднее прочертил здесь «реку русов», которая соединила оба моря.

Размышляя над древними текстами, приходишь к мысли, что связь Руси с Черным морем неразрывная, исконная. Не о том ли говорят, к примеру, русские сказки и предания. За «синеморье» отправляются русские корабли, из-за «моря синя» прибывают иноземные гости с товарами. Об этом напоминает как будто бы самим своим именем город Арусиния. Это и было отправной точкой и путеводной нитью в исследованиях автора этих строк.

Любопытный факт: в Турции есть город Мерсин, основанный еще хеттами более 3 тысячелетий назад, и на современном русском названии этого города звучит почти так же, как в давние хеттские времена: «море синее». Расположен город на берегу Средиземного моря. Когда-то чешский ученый Б. Грозный расшифровал хеттское письмо и обнаружил сходство этого языка со славянскими. Хетты жили в Малой Азии (почти по соседству с современными славянами).

Вся история Этрурии, хеттских государств в Малой Азии и других регионов свидетельствует: корни славянских языков, начальный опыт их государственности следует искать в глубине тысячелетий, близ «моря синего». Но одно дело — язык, и совсем другое — система письменности. Языки сходные, но хетты употребляли и иероглифы и клинопись, этруски же использовали буквы, похожие на финикийские, — они легли затем в основу латинского и греческого алфавитов. Слова общие — буквы и знаки для письма разные. Это затрудняет расшифровку.

* * *

К каким же источникам обратиться для выяснения последовательности событий, которые привели к образованию Русского государства? Конечно же прежде всего к «Повести временных лет», которая, по словам К. Н. Бестужева-Рюми-

на, является «архивом», в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы». В этой гибели произведений «первоначальной литературы» повинна и реформа, связанная с именами Кирилла и Мефодия. Надо полагать, произведения, записанные до введения кириллицы на Руси, ретивые последователи реформистов постарались изъять из культурного обихода, предать забвению или поступить с ними еще более круто.

Первая часть «Повести...» напоминает краткий реферат утраченного навсегда. Славянский народ выделился из племени сына Ноя — Иафета. Одна из ветвей его — поляне. Апостол Андрей побывал на Днепре, благословил то место, где позднее был основан Киев, затем пришел к «в словены» то есть поместил будущую Новгородскую землю. Там, наблюдая за обычаями, в числе прочих он был поражен обычаем местных жителей хлестать себя до бесчувствия в жарко натопленных банях. От благословения тогда он, видимо, воздержался. Автор «Повести...» выбирает эпизоды, выгодные с точки зрения князей-полян, иронизируя над «словенскими». Что же, ныне археологи как будто бы доказали, что ветвь полян и ветвь «словен» — новгородцев — разошлись задолго до гипотетического путешествия Андрея. По всем антропологическим признакам новгородцы — западные славяне, близкие к бодричам. Поляне же как будто более «исконны». Эпизод с первосвященником Андреем дает важную временную мету, показывает, какими глобальными периодами оперирует автор «Повести...», пытаясь сжать до предела записанную некогда историю славянства, выбросить из нее все, что не нужно, с его точки зрения, и оставить при этом пусть легенды, но зато нужные с княжеской, государственной точки зрения. Как нетрудно понять, время сыновей Ноя и разделения земли между ними относится к началу послепотопного периода, то есть возможно ко времени Атлантиды Платона. Путешествие же Андрея относится к I веку н. э.

Затем в «Повести...» идет рассказ о строительстве Киева тремя предводителями родов у полян. Вот их имена — Кий, Щек, Хорив. Имя их сестры — Лыбедь. Киев назван по имени старшего брата. Попутно опровергается слух, будто Кий был перевозчиком. Нет, утверждает автор, он был не перевозчиком, а князем.

Вряд ли можно перечислить всех братьев, которые, по мнению авторов летописей, легенд и сказов, принимали участие в основании городов. Таков, к примеру, мотив известной песни сербов об основании тремя братьями города. Радим и Вятко будто бы родоначальники вятичей и радимичей. Основание Харькова связывалось с именем Харька. Даже в Новгород как будто бы пришли три брата-варяга. Думается, в такой форме в памяти народной события удерживаются легче. Однако долг историка — отделить правду от вымысла.

Не случайно выше отмечена глобальность временных вех, которые расставил автор «Повести...». И вехи эти помогают сделать необходимые обобщения. В жизни и в истории имена героев и путешественникам часто даются по имени земли, откуда они вышли. Вспомним хотя бы былинного богатыря Илью Муромца, родина которого — под городом Муромом. Примерно так же обстоит с князьями — предводителями родов. Вряд ли есть основания утверждать, что три брата да еще с сестрой Лыбедью могли одновременно возглавлять три рода полян. Напротив, три племени, объединившись в племенной союз (явление характерное), оставили на память об этом событии нарицательные имена своих вождей, которые совпадали с названиями отдельных племен. Вероятнее всего, это могли быть названия земель, откуда вышли коллективные члены племенного союза.

Построение гипотезы начнем со Щека, одного из трех предводителей полян. Можно ли отыскать на карте место, которое сохранило бы подобное этому имени название земли или княжества? Да, можно. Для этого надо обратиться к карте Малой Азии времен хеттского владычества. На западе Анатолии во 2-м тысячелетии до н. э. можно отыскать государство Сеха, которое по сути было объединением отдельных княжеств. Это была густонаселенная земля, процветающая и богатая. Не должно смущать соответствие зву-

ков «с—ш». Город Хашшу, к примеру, в письменных источниках называется Хассувой. Письменное «с» звучало как шипящий звук. И так, вместо «Сеха» звучало «Шеха». Вспомним теперь о правилах чтения этрусских надписей, ведь этрусски тоже вышли из Малой Азии! Знак «а» может читаться как «о». Шеко — вот подлинное название государства или княжества, откуда родом Щек. Фракийские данные указывают на то, что собственное имя следует так и читать: Шеко, но не Щек!

Обратимся к имени Кий. Если гипотеза верна, то землю Кия следует искать по соседству с Шеко: ведь роды полян говорили на одном языке! И такая земля действительно лежала по соседству с Шеко. Это Аххиява, или, точнее, Акиява. Хеттские источники сообщают, что в XIII веке до н. э. «человек Акия» все чаще нападал на земли, зависевшие от хеттов. «Человек Акия» — это мог быть князь Акиявы. В сокращении имя это звучит Кий. Любопытно, что даже хетты называли князя Акиявы не его собственным именем, а нарицательно, по названию его земли.

Третье имя — Хорив — звучит по-киевски на «о». Подлинное звучание этого имени восстановится, если учесть неизбежную замену звука «в» на «б». Ведь и «басилей» звучало у киевлян как «Василий», но историка интересует исконное, хетто-лувийское звучание. Хорив — это Кориб. Но в словаре живого великорусского языка слово «короб» не без оснований связывается с «кораблем». Кориб — это корабль. Корень «кар», «кор» можно найти в древнейших каппадокийских табличках именно в подобном значении. Но можно ли, право, связать слово «кориб — короб — корабль» с названием земли, местности или княжества? Задача казалась бы почти невыполнимой, если бы на карте Малой Азии не нашлось такой земли у самого важного морского пролива древности — Босфора. Босфор — это мост между Европой и Азией, это единственная возможность перешагнуть с континента на континент. Но в те времена, понятно, моста еще не было. Для кораблей хеттского времени Босфор был даже меньшим препятствием, чем крупная река. А небольшое государство, которое владело Босфором и прилегающим районом, называлось так: Каркиса. В нем то же корень «кар». Суффикс же в слове подобен суффиксу в названии столицы хеттов — Хатуссы. Земля хеттов именовалась страной Хатти; один из хеттских правителей носил имя Хаттусили, то есть Хаттуский. Все это помогает понять, почему имена, произведенные от названия земли или страны, были для хеттолувийцев и позднее для славян важнее, чем имена собственные.

О сестре Лыбеди можно сказать несколько слов. Имя это, бесспорно, нарицательное и восходит к временам Лувии или, быть может, Лидии. Но все перечисленные земли соседствовали. Их жители говорили, возможно, на одном языке. После разгрома Трои и вторжения иноземцев они должны были искать пристанища за Босфором, уже в Европе. За их спиной разоренное, разгромленное государство хеттов, сожженная Хатусса, уничтоженные поселения Анатолии. Шел XIII век до н. э...

Остается объяснить, почему автор «Повести...» так ревностно защищает Кия, отстаивая его княжеское звание. Неужели у кого-то были серьезные основания называть его перевозчиком? Да, такие основания были. На земле Акиявы располагалась Троя — легендарный город, владевший морским побережьем. Многих, очень многих горожан-троянцев можно было с полным правом назвать перевозчиками. Флот Трои перевозил огромную по тем временам массу товаров. И в этом смысле Кий с неизбежностью был «первозчиком», как, возможно, не без иронии называли его конкуренты-ахейцы, в конце концов разрушившие Трою.

Если взять название Акиява за отправной пункт гипотезы, становится понятным, почему утрачено заглавное «А» в славянском написании. Кий — самостоятельное имя в древнерусском языке — но так же назывался по Страбону один из городов Анатолии, и сохранение заглавной буквы привело бы к бессмыслице.

Сказанное о землях Анатолии не должно удивлять историка. Хорошо известно, что каски воевали со страной Хатти. Жили они на севере

Анатолии, где их можно было найти в том же XIII веке до н. э. Однако спустя 2,5 тысячи лет автор «Слова о полку Игореве» пишет о касогах и о русском князе, который зарезал Редеду перед полками касожскими. Касоги — это каски. Факт этот не вызывает возражений. Но касоги-каска перебрались на северное побережье Черного моря. И за 2,5 тысячи лет уклад их жизни к тому же мало изменился по сравнению с хеттскими временами. Такие периоды остановившегося развития можно было бы указать и у других племен. Они могут быть очень длительными. Условно можно назвать это аис-фазой, употребив древнее слово «аис» (яйцо). Аис-фаза самих хеттов после разгрома их государства длилась около тысячи лет, после чего хетты вообще исчезли, вероятно, ассимилировались. Тому есть доказательства. Римский поэт Овидий был сослан в город нижнего Подунавья Томы и оттуда присылал своим друзьям любопытные поэтические послания. Овидий писал, что живет он среди гетов, которые разезжают на конях по улицам города с ножами у бедра, насмехаются над латинской речью Овидия, считая ее варварской, а в другое время беседуют с ним и сочувствуют его несчастью. Под влиянием речи гетов язык греков, живущих в тех же Томах, искажился и стал почти варварским. Поэт выучивает гетский язык и сочиняет на нем оду, восхваляющую императора, за что геты присуждают ему звание поэта. Любопытно, что античный мир вообще не знал о великой державе хеттов. Тем не менее геты — это, вероятно, потомки хеттов, переселившихся из Анатолии. Об этом говорит и имя одного из вождей гетов — Дромихет. Тысячу лет спустя после падения империи хеттов, в III веке до н. э., войско Дромихета успешно противостояло войскам самого Александра Македонского и его преемников. Дромихет разбил наголову греческие рати полководца Лисимаха. Но теперь, на втором витке истории, племенной союз гетов-хеттов сложился на новой территории — севернее Дуная. В далекой Хатуссе, древней столице одной из самых могущественных держав древнего мира, глиняные таблички с записями о великих победах хеттов были погребены под тысячелетними руинами, а совсем в другом мире, за Босфором и Дунаем, далекие потомки хеттских воинов сражались с греками, не помня ничего об истории своих грозных предков, остановивших некогда войско Рамзеса II под Кадешем.

Овидий описывает шумные сходки гетов, которые, потрясая оружием, обсуждают в собрании волнующие их вопросы. По его мнению, это несомненный признак варварства гетов. Однако ни Овидий, ни его современники, ни даже поздние историки нового времени вплоть до недавних лет не подозревали о существовании в Анатолии великой цивилизации хеттов, создавших яркую культуру, литературу, оставивших выразительные памятники архитектуры. Ныне же, сопоставляя свидетельства Овидия с письменными источниками Хатуссы, невольно ловишь себя на мысли о поразительном сходстве обычаев и нравов гетов-хеттов. Точно так же еще за полторы тысячи лет до Овидия хетты собирались с оружием в руках на народные собрания — панку. И царская власть вынуждена была бороться с народным собранием за полноту власти. Варварство? Отнюдь. Всего лишь форма государственного устройства, отличная от римских эталонов периода империи.

Конечно же все вышесказанное имеет прямое отношение и к теме происхождения Руси, ведь племена хетто-лувийцев и — косвенно — их предшественников — хаттов влились в, конечном счете в те самые роды полян, о которых говорит русская летопись.

Но хетты лишь переняли многое из культурного наследия хаттов, столицу которых они взяли приступом и разграбили. Главным в этом наследии был язык. После того как центральная часть страны была разорена, наследниками языка и культуры хаттов стали окраины Анатолии. Со временем там образовалось государство Арцава, соперничавшее с новой землей хеттов. Именно Арцава стала прибежищем потомков хаттов-лувийцев. Именно здесь сохранился культ леопарда-раса, который к тому времени насчитывал уже многие тысячелетия, начиная от потопы, уничтожившего, по преданию, Атлантиду. Более тридцати поколений каменных изваяний леопардов покоятся в руинах хаттских и

протохаттских городов.

Рас, или в соответствии с современным произношением рус, дал некогда начало племени русов — восточных атлантов, которые задолго до шумерийцев населили Двуречье (протошумеры), расселились на обширных территориях Ливии, долины Нила, Северной Индии, дошли до Китая и Японии. Священный змей — второй главный символ русов. Он широко известен под личиной дракона на Востоке.

Круг замкнулся. Арцава была последним государственным образованием русов в Малой Азии. Лишь хетты хранили некоторые из традиций старой культуры, да Урарту и Скифия ненадолго воскресили древние обычаи восточных атлантов.

После длительной аис-фазы начался новый круг — севернее Черного моря; там возникли города Арусиния, Арусас, Растиянис, которые называют аль-Хорезми. Затем, тысячу лет спустя, возник Киев-Киява, о чем шла речь выше. Трезубец бога морей, изображение леопарда и позже украшали гербы городов и государств русов; другие символы восточных атлантов вместе с языковыми корнями перешли в другие регионы планеты. Взамен и в языке их потомков — русских и славян — появились новые и новейшие корни.

И Шеко, и Акиява, и Каркиса, и некоторые другие области Малой Азии были в зависимости от Арцавы — государства, о котором известно гораздо меньше, чем об империи хеттов, но которое было не менее могущественным. Арцава соперничала со своим грозным соседом — хеттским государством. В правильном произношении Арцава — это не что иное, как Арусиява. Именно эта область после разгрома хеттами столицы хаттов стала воспреемником традиций сынов леопарда. Дж. Г. Маккуин помещает Арцаву на юго-западе Анатолии. Согласно этому же автору, Троя находилась на территории Аххиявы-Акиявы. В «Слове» выражение «земля Троянова» употребляется в значении «земля Русская». Есть и «тропа Троянова», и «века Трояновы». Троян иногда упоминается в ряду языческих богов Древней Руси. «Мы знаем в «Слове» замечательный героический дух всей последующей русской литературы...» — пишет академик Д. И. Лихачев. Но вероятно, была и предшествующая «Слову» литература Быть может, выражение «землю Трояню» нужно читать как «землю Троян», то есть землю жителей Трои? Тогда тропа троян — это путь переселенцев из Малой Азии, оставшийся в памяти народной и памяти певцов.

* * *

Этруски были отважными мореплавателями.

Историки свидетельствуют, что они не раз выходили в открытый океан. То же можно сказать о ближайших родственниках этрусков — филистимлянах и первооселенцах Финикии.

Многих исследователей привлекает загадка происхождения гуанчей, населявших Канарские острова. Сохранились даже отдельные надписи гуанчей, начертанные на камнях. Однако оставшийся материал ввиду незначительного объема пока не позволяет произвести расшифровку. Можно говорить лишь о более или менее достоверном прочтении одного-единственного слова «жизнь». Так же как этруски, гуанчи были гостеприимным народом, любившим музыку и танцы. Жили они в каменных домах, умели балзамировать тела умерших. Их добродушие и честность поражали европейских пришельцев. Поклонялись гуанчи Солнцу. Одна из морских экспедиций этрусков могла привести к заселению одного или нескольких островов Канарского архипелага.

Но в подобных экспедициях корабли могли сбиваться с курса, бури могли относить их далеко в океан. Человеческую маску с высунутым языком этруски изображали на бронзовых зеркалах. Точную копию этой маски конкистадоры увидели в Америке. Она и сейчас украшает стены храмов, созданных во времена древних цивилизаций Америки.

Некоторые этрускологи считают, что маска эта — изображение головы Горгоны. Что касается ее американской копии, то о ней предпочитают умалчивать. Дело в том, что такая маска не может быть «дублирована» случайно: это явный признак культурных контактов. Можно объяснить сходство пирамид, календарей, некоторых образов, исходя из того, что Солнце одинаково светит всем — на том и на этом берегу Атлантики. Однако маска с высунутым языком несет вполне конкретную и однозначную информацию. Чтобы разобраться в этом, обратим прежде всего внимание на этрусские тексты, которые не переведены этрускологами. На одном из зеркал изображена человеческая голова с высунутым языком. Женщина протыкает эту голову копьем. Рядом стоит мужчина с кинжалом наготове. Текст гласит: «Ведме акоенем». «Ведему окаянному!» — вот что начертано рукой этрусского мастера. Что же за сцена изображена на зеркале? Не может быть и речи о Медузе Горгоне, ведь голова мужская. Речь идет о борьбе с колдуном. Ведем, ведьма — так они назывались у этрусков; второе из этих слов осталось у нас до сего дня. Корень тот же, что и в слове «ведать». Колдун, ведьма знают то, что сокрыто от других. Они могут наслать болезнь, сглазить, открыть чужую тайну.

В капитальном труде А. Н. Афанасьева о верованиях древних славян читаем: «Умирая, кол-

дун и ведьма испытывают страшные муки; злые духи входят в них, терзают их внутренности и вытягивают из горла язык на целые пол-аршина».

Какую же роль выполняла маска на предполагаемой второй родине этрусков — в Америке? Ответ может быть только один: она символизировала погибель колдуна, ведьмы, конец колдовских чар. Ведь известно, что такого рода символы — лучшее орудие против живых колдунов. Маски майя и ацтеков охраняли людей и в этом и в загробном царстве. Многие в язычестве вполне могло быть обаяно вере такого рода. Это отголосок верований далеких предков этрусков — восточных атлантов, кроманьонцев.

Зарид, Озирис, Тот, Мут... Имена древнеегипетских богов — это имена восточных атлантов. Зариду арабские источники приписывают строительство допотопной пирамиды, в которой должны были быть сохранены такие достижения кроманьонских мастеров, как нержавеющей сталь («железо, которое не ржавеет»), гибкое стекло и т. д. Это не более чем одна из легенд о допотопной цивилизации, однако трудно отрицать, что и в имени Озирис, и в имени Зарид присутствует этрусский, а точнее, восточно-атлантический корень «зар», «жар». Озирис — озаренный. Правильное звучание этого имени — Озаре. Одного корня слова «заря», «жар» и другие. Озирис был богом озаряемой Солнцем природы. Змей Апоп был врагом Солнца. Могучий хвост этого змея, вполне возможно, мог символизировать магму, выплеснувшуюся вверх после того, как земную кору пробил гигантский метеорит. Упал он предположительно в Атлантический океан. Соединение воды и магмы породило камнепад, расплытие огромного количества вещества в атмосфере, ливни и сели. Наступило время хаоса, отраженное в мифах многих народов. Атлантида «потонула». На бронзовом этрусском корабле, найденном в городе Вегулонии, разместились целые эверинец. Здесь «каждой твари по паре». Это некое подобие Ноева ковчега, отмечает этрусколог А. И. Немировский. Добиблейские — и догомеровские — представления этрусков о мире, о катастрофе и потопе отразились в их неповторимом искусстве. И об этом говорили выше.

После катастрофы кончился ледниковый период. Атлантида перестала преграждать путь Гольфстриму на север — огромные территории Европы освободились ото льда. Возникла необходимость заселить эти районы. Племена древнего Средиземноморья двинулись на север и северо-запад; движение это, то ослабляясь, то вновь набирая силу, длилось тысячелетиями. Таким образом, есть достаточное, с нашей точки зрения, основание предположить, что этнос Европы с некоторыми поправками — это этнос древнего и древнейшего Средиземноморья, восточной Атлантиды.

Подписывайтесь на 1997 год!

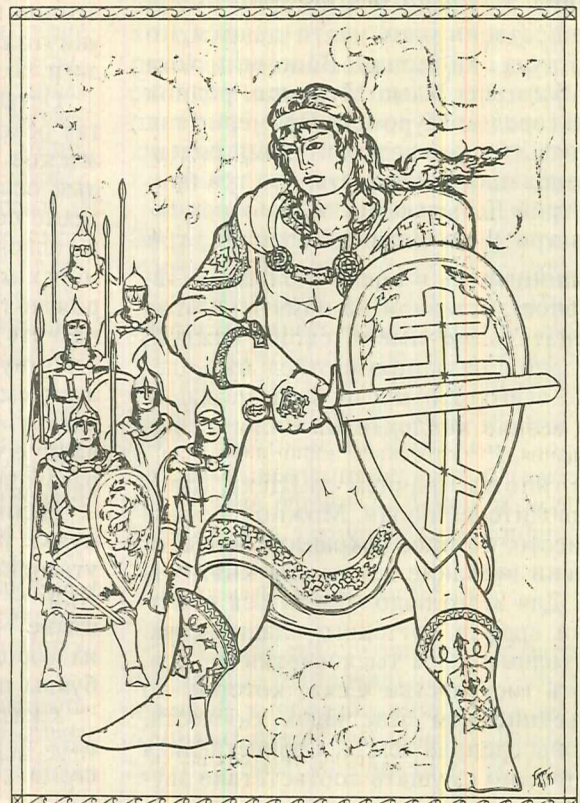
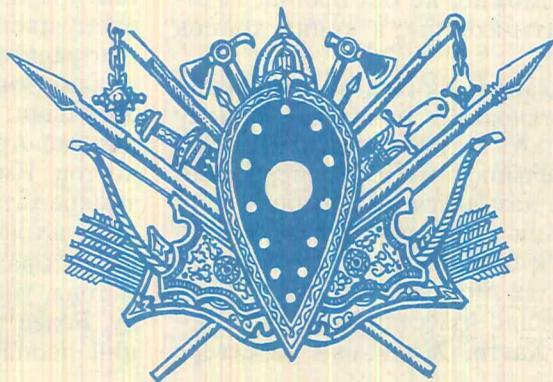
Научно-популярный и литературно-художественный иллюстрированный толстый журнал индекс 71505

ИСТОРИЯ

Увлекательнейшее чтение для всех и незаменимое пособие для учащихся!

Три сотни страниц каждого номера:
— это тысячелетия побед и поражений, надежда и дерзаний, интриг и переворотов, роковых тайн и чудесных разгадок,

— это постижение самой Истории.

ЗВЕЗДНАЯ МЕСТЬ

Отрывок из
заключительной
книги
романа-эпопеи

Художник А. Филиппов

СТАРЫЙ МИР

Пристанище — Осевое измерение —
Старый Мир.
Параллельное время.

Долгих проводов не было. Иван обнял Алену, поглядел на сына. Улыбнулся через силу, вздохнул и сказал на прощанье:

— Не поминайте лихом!

Рой кружащих серебристых и лиловых снежинок принял его в себя, вынес за пределы звездолета, мягко опустил на каменистую почву Спящего мира.

Иван несколько не сомневался в сыне, он успел ему все рассказать и объяснить — они доберутся до Земли. И они будут под защитой этого чудесного неприступного шара, в сравнении с которым все прочие корабли, капсулы, флагманы, космолетчики и боевые звездолеты Земли и Системы были просто детскими игрушками. «Бортовой мозг» не даст им ошибиться и погубить себя. А чужакам внутрь не прорваться. Все будет хорошо, все будет нормально, они продержатся до его возвращения!

Он отошел на сотню шагов, остановился, задрал голову вверх — на стоэтажную сферическую громадину, нависающую над землей, но не касающуюся ее. Он знал, у этого исполина хватит сил, чтобы вырваться из цепких объятий безумной планеты Навей, из этого чудовищного мира свернувшихся галактик и искривленных пространств. Чего же они медлят? Наверное, опасаются за него, дают возможность уйти подальше?! Что ж, он бы тоже немного выждал. С исполинами не шутят.

Иван отошел еще на сотню метров. Теперь он видел почти весь корабль, висающий огромной матовой луной в потемках вечной ночи Спящего мира.

— До встречи! — выкрикнул он и махнул рукой.

Они его видели, точно, видели. Почти сразу шар вздрогнул, тихонько заудел... и исчез. Не взлетел, не ушел в небеса, не сел на поверхность, а именно исчез. И сразу стало темно, холодно, сыро и неуютно.

Иван поежился, запахнул полы плаща, сотворенного из сыпновней дерюги и побрел к развалинам замка. Побрел, припоминая, что именно там он добил гаденыша-колдуна, проклятого беса Авварона, что после этого Спящий мир на какое-то время пробудился, верша по обычаю своему зло и расправу, а потом снова впал в дрему, свет в этом преддверии Пристанища был явлением редким. И плевать! Полигон слишком рано свернулся, они не успели отработать, отладить все системы да плюс ко всему сорок миллионов лет блужданий в иных пространствах... Иван не верил ни в какие «миллионы», это было инноказанием, за столь долгий срок здесь все истлело бы сотни раз, они блуждали не больше трех-четырёх тысячелетий! А может, не больше сорока? Или не меньше четырехсот?! Какое это имело значение! Все смешалось воедино. Полигон и Черное Благо. Планета Навей и Страшные Поля. Взбесившиеся, взбунтовавшиеся вурдалаки, смоделированные, запрограммированные, материализованные зургами-выродками и истинные выползни из потусторонних миров. Так всегда и бывает. Только так! В природе не существует ничего в чистом виде, сплошные смеси, наслоения, вселенский чудовищный компот, бурлящая каша Мироздания. И в этой каше верно лишь одно, верен закон Пристанища: «Куда бы ты ни шел, в каких временах и измерениях, если ты постоянно думаешь о цели — ты достигнешь ее!»

В замке было еще холоднее, стывшие ветра пронизывали его насквозь, заносили палую листву, целые ворохи листвы, хотя в этом мире не было ни единого деревца. Иван уже не обращал внимания на такие несуразности, принимал их за должное. Его мучило иное. Он хорошо помнил, каким образом в прошлый раз они «добирались» до поганого леса, до гиблого болота и самой избушки. Но путь тот был многосложный, утомительный, опасный... хитрый бес намеренно кружил Ивана в мороках наваждений, вел кривыми тропами. Негоже идти по его дьявольским следам и теперь.

— Ничего, разберемся!

Иван сел на широченную дубовую скамью, иссеченную трещинами и чернотой. Закутался в дерюгу с головой. Призадумался. Ему некуда было спешить. Он постиг эту нехитрую премудрость, вернее, ему внушили ее там, в Свете. Ему открыли глаза, и он научился видеть — он это почувствовал сразу после воскресения, еще в каменном гробе своем, узрев сквозь перекрытия и своды Золотые Купола, увидев стонущего под рабским ярмом Глеба... все было. Откроется дорога и ныне. Надо только изгнать лишнее, отвергнуть гордыню, ибо даже пройдя все Круги Очищения не имел он права сам себя считать безгрешным и чистым, не имел: одна мысль, что он единственный, избранный, посланный в мир, чтобы спасти его, могла погубить. Да, все так и только так, но это где-то вне его, там, где ему и должно быть. А внутренне он — лишь Меч в руке Вседержителя. Но ведь меч всегда послушен руке, всегда подвластен воле держащего его! Как же так?! А как же его собственная свобода воли?! Иван положил голову на дубовый стол, уперся в холодное дерево лбом, сдвинул виски руками, отгоняя ненужное, внешнее. Как же так? Да очень просто — так бывает, когда две воли сливаются в одну, когда желания, стремления, помыслы едины! И нет в том никакого противоречия, наоборот — только так достигаются Высшие Цели, в единение с Волей Творца! И воля эта в том, чтобы идти прямым путем.

Пришло время приобщиться к избранным сынам Его.

Иван приподнял голову над столом. И взгляд его уперся в кучу рухляди и старья, наваленную у драной облезлой стены, ту самую кучу, в которую постоянно нырял крысеныш Авварон, где он прятался и откуда выскакивал наружу. Тряпье?! Рухлядь?! Иван смотрел все пристальней и начинал видеть совсем иное: никакого ветхого мусора и тряпичной дряни в этой куче не было, видимость одна, морок, и самой кучи никакой нет, а есть черная дыра, непроницаемая для глаза провал, укрытый от неосторожного взгляда переплетениями бесчисленного числа тончайших нитей, многомерной сложнейшей паутины. Шлюз! Иван откинулся к стене, привалился. Это же обычный многоканальный шлюз-переходник, укрытый системой приемных фильтров! И фильтры эти паршивые пропускали туда-сюда Авварона Зуррбан-Турга в Шестом Воплощении Ога Семирожденного! Подлец и негодяй, «лучший друг и брат» все врал! Он вонзил Ивана за нос! Впрочем, это прояснилось еще давно, правильно говаривал Дил Бронкс — простота, она хуже воровства. Иван никогда не верил крысенышу, но каждый раз, поймав себя на том, что снова попался на его уловку, досадовал и негодовал. Русская душа, ну никак она не желала принимать подлости и обмана, даже от порождений самого ада! Теперь все равно. Теперь все в прошлом! Иван рассмеялся в голос. Прощай, скучный Спящий мир!

Он уже знал, куда попадет через минуту.

Паутина обволокла его, недоберчиво прощупывая каждую клеточку тела, сдвинула, лишила дыхания. Болото! Он вспомнил болото в поганом лесу, вспомнил фильтр-гамак, паучьи гнезда... Ничего, надо немного потерпеть. Сейчас эта проклятая «паутина» сканирует его, просвечивает до мельчайших волокон, до молекул и атомов, потом она же немилосердной силой импульсом швырнет каждый из этих атомов в отдельности в дыру, в черный провал шлюза — и за многие тысячи, а может, и миллиарды верст отсюда, в ином пространстве, в ином измерении точно такая же «паутина» примет мельчайшие частички в себя, впитает и воссоздаст его, один к одному. А ежели меж этими мирами есть пуповина, она просто протолкнет его из одной полости в другую, и плевать, что между ними десятки пространств и миров, тысячи световых лет и целые временные эпохи, пуповина связует полости вне измерений. И нечего удивляться, это простые переходники ХХХI-го века, пора привыкать!

Иван зажмурился. И упал в прелое сено, в рухлядь и хлам старого чердака. Он не хотел открывать глаз, зная — вокруг миражи, одни миражи. И чердак, и сама избушка, и темный ночной лес с воем то ли волков, то ли оборотней — неправда, и если в такой же путь по шлюзам и фильтрам отправить, скажем, зверононда с Гадры, тот увидит совсем другое, может, пурпурные джунгли и утробы живых деревьев, а может, лишайники-трупоеды и соломанные растрепанные хижинки. Здесь нет ничего настоящего! Настоящее там, на Земле! Было! Иван со шемашей тоской припомнил те счастливые времена, когда они лежали с сельским батюшкой на чистой и зеленой травушке-муравушке, посреди чистого поля, под шуршащей зелеными прядями березы и под белыми пушистыми облаками. Там все было взаправду! Здесь все — злой морок и тоскливое наваждение, которые надо терпеть, ничего не поделаешь. Пристанище несокрушимо, и Система несокрушима — бегать по ним с кулаками и лучеметами, бить, громить, палить, взрывать, давить нечисть — все бесполезно. Но чтобы понять это, надо прожить жизнь.

Иван сидел на «прелом сене» и думал о тех, кто правил мирами Мироздания и о тех, кто под их пятой. Черви, слизни, комаришки, амёбы! Глупо, страшно, ничинчо, омерзительно... но так оно и есть. Толпа не ведающая планов элиты, не знает ее подлинной силы и слабости, но самое страшное, она и не подозревает, как эта элита относится к ней, к толпе. И вот приходит развязка. И никто ничего не понимает. И каждому воздается по делам его. Именно так. Ибо и безделье, нежелание ничего делать есть твоё дело, за которое судим будешь. Вся Земля, вся Вселенная пылает в адском пламени преисподней, а в Пристанище тишь да благодать. Пристанище тихо перетекает через сквозные каналы в земные миры и при этом ничуть не убывает — таков закон Пристанища. Оно неостановимо, оно необоримо. Предначёртанное свершается. Иван припомнил еще ту, первую для

него парижскую черную мессу, на которую он прокрался тайком, тогда он ничего не понимал, тогда ему казалось, что все это игрушки для взрослых... а это не было даже началом, это было уже приближением развязки, конца. И вот Земля в лапах дьявола. А он сидит на старом чердаке и предаётся пустым философствованиям, вместо того, чтобы идти туда, где ему укажут единственно верный путь.

Иван открыл глаза. Многогранные нити паутинок пропали. Он и впрямь сидел на куче тряпья, рванья и прочего мусора, обильно пересыпанного ломкой, прелой соломой и пучками высохшего сена. Все выглядело до рьяности натурально. Тут же в хламе лежал и старенький, низенький колченогий стульчик, на котором когда-то восседал всезнающий Лжехук, восседал и проповедовал ничегонезнающему Ивану, издевался над ним как хотел, паясничал, глумился, но понемногу раскрывал глаза. Кто это был? Поди разберись!

Иван поднял стул, поставил его и осторожно сел на протертое сиденье. Почти сразу он увидел лежащего напротив, в куче соломы человека, почти обнаженного, в одних пластиковых форменных плавах на ремне... и был этот человек им самим, тогдашним, пробравшимся в «систему» Иваном. Налетело подобно вихрю неудержимое желание выложить ему, этому двойнику, еще только начинающему набивать себе шишки, все, выложить начистоту, объяснить каждый шаг в многомерных мирах, уберечь от страшных и непоправимых ошибок, спасти... Нет! В одну воду не ступишь дважды. Иван вскочил со стула, отшвырнул его от себя и видение пропало. Что это было? Может, и впрямь он сам являлся себе? Нет! Значит, у него были предшественники? Конечно, были! Это прежде он считал себя единственным, потом выяснилось, что и в Систему и в Пристанище забрасывали многих ему подобных, скажем, Рона Дэйка из проекта Визит Вежливости. Они наступали друг дружке на пятки. Они погибали, оставались в чужих мирах, в иных ипостасях, подобно тому же лешему-Дэйку. Несомненно, Ивана наставлял кто-то из них. Но сам он не годился на роль наставника, особенно сейчас, он не мог себе позволить лезть с головой во временную петлю — она захлестнет его шею, утянет в прошлое. Нет!

Избушка. Только в ней он найдет вход... Иван осторожно приблизился к дыре, ведущей в полутемную горенку. Если все правильно делать, он окажется внизу. И нечего психовать! Главное, спокойствие. Главное, надо помнить, что нет ничего — ни избушек, ни лестниц, ни хлама — а есть закрытый объем, в который пускают далеко не всех, и есть люки-фильтры, множество люков, каждый из которых в зависимости от того, как ты в него лезешь, ведет в другие объемы других пространств. И все! Никакого колдовства, никакой аномальщины и бесовщины!

Он неторопливо спустил ноги в дыру, нащупал ступнями лесенку, шагнул вниз раз, другой, третий... луна в черном небе была по-прежнему шербоной и мертвецки синей, волки-оборотни выли столь же нудно и тоскливо. Догорала зажженная им лучина Иван с шумом выдохнул, расправил плечи. Слава тебе, Господи!

Он не знал, куда идти, бежать или ползти дальше. Но он в и д е л. Пуповина была где-то внизу. Ему повезло. Этот шлюз оказался воистину универсальным, надо трижды поклониться в ноженьки тем, кто его закладывал именно в

этом секторе Полигона! Подлец, Первозург! Он был просто обязан идти с Иваном, но не пошел. Ну и ладно. Ну и черт с ним!

Иван ошупал руками простой дощатый пол, выскобленный добела, будто рачительная хозяйка избушки наводила в ней порядок еще сегодня утречком... Нет, не бывает тут ни утра, ни дня, тут всегда ночь, темень или сумерки с потемками, одним словом, Поганый лес. Иван прошел в сени, наткнулся по старой уже и доброй привычке то ли на корыто, то ли на таз, ушиб скулу. И замер. Пуловина-фильтр была где-то совсем рядом. Он опустился на четвереньки. Тяжелое медное кольцо само звякнуло под рукой. Осталось лишь приподнять крышку и спуститься в подпол. Что Иван и проделал.

Он не ошибся — даже в беспросветном мраке подпола черным безысходным пятном чернел провал, окутанный слоями многомерной паутины. Это была дверь т у д а!

Оставалось сделать всего три шага, умудряясь не разбить себе затылка о множество непонятных балок и стропил, которые в совершенном беспорядке удерживали полы избушки. Иван шагнул... И захрипел от неожиданной резкой боли, ухватился за цепь, наброшенную на горло, рванул. Его тут ждали! Прав был Сихан, они следили за ним! Кто они?! Еще две цепи обвили его ноги, дернулись в разные стороны, опрокинули. А он рвал железную удавку, и не мог ничего поделать, задыхался, хрипел, ничего не понимал — ведь в подполе никого не было, точно, никого, чуть не могло его подвести, он слышал, видел, осязал в любых потемках. Значит, они выскочили откуда-то извне, рассчитывая на внезапность, значит, они знали с кем имеют дело, значит, они охотились именно на него! Иван закинул руки за голову, ухватился за концы цепи, рванул, что было мочи и перекинул через себя чью-то увесистую, сопящую тушу. Его тут же рванули на двух других цепях назад, растянули. Но не убили. Почему?! Значит, он нужен кому-то живым? Нет! Одновременно с двух сторон на его грудь обрушились два молота. Он успел сбросить и включить барьеры за долю мига до удара, но кости затрещали, сердце таяло ухнуло... и на какое-то время перестало биться. Он никому не был нужен живьем! Его убивали! Допотопно! Первобытно! Будто желая доказать ему перед смертью, что с ним можно сладить именно так — грубо и дико, как с попавшимся в капкан зверем. И сила была на их стороне. Шейные позвонки трещали. Из последних сил Иван удерживал цепь душащую его, ломающую хребет. Он не мог сопротивляться. Все новые и новые цепи захлестывали его тело, распинали, раздирали, рвали... Он бился до последнего. Да, он вспомнил вдруг забываемое, вспомнил, уходя в небытие, залитый кровью, с переломанными костями, с растерзанной грудью, вспомнил: «Каждый воин бьется, пока ему достает сила, а потом он бьется сверх силы своей...» Сверх силы? Как это?! Очередной удар разожил ему лицо, расплющил нос, сломал надбровные дуги. Да, его убивали — неторопливо, наверняка, на совесть. Но в голове, в мозгу звучало из иных сфер: «Слаб человек. Но я отворил дверь перед тобой, и никто не сможет ее затворить! Ни люди, ни бесы, ни ты сам!» Так было. И так будет!

Он ощутил вдруг тело свое свободным, сильным, невероятно сильным, сверх всякой силы своей. Одним рывком, не касаясь черного пола руками, он вскопил на ноги... И потемки развеялись, он обрел новое зрение. И увидел себя самого, избитого и изуродованного донельзя, лежащего в цепях, корчащегося от боли. И увидел шестерых здоровенных трехглазых уродов, тех самых, что сожгли его мать и отца, что пытали и вешали его в Системе, что устраивали бойни на земных станциях и звездолетах. Это были воины Системы. И они чувствовали себя в Пристанище как дома, они, поочередно перехватывая концы цепей, били, били и били его распростертое и чудом еще живое тело. На раз-

мышления и философствования времени не было. Пришла пора биться сверх силы своей.

Иван подскок к ближнему монстру и ногой ударил его в пах. Удар был убийственный — монстр переломился пополам, начал оседать на земляной пол. Но Иван не дал ему передышки, одной рукой он рванул на себя затылочные пластины, другой саданул в незащищенную мякоть — трехглазый дернулся и застыл навеки. Другие замерли, перестав бить беззащитное тело. Они явно не видели Ивана. Он понял это сразу. И потому дальнейшее было делом техники — в считанные минуты он управился со всеми. Он перебил их как ценят, как слабосильных и хлипких выползней. И он чувствовал, как мог бы справиться еще с десятком, с сотней. Это было неестественно и непонятно... «Никто не сможет ее затворить!» Иван оглянулся и увидел в дальнем конце почти бесконечного подпола Д-статор, здоровенный гиперторрорид. Вот тебе и избушка! Но это ерунда, это мелочи. Он окинул взглядом поверженных уродов. Скривился от досады. Надо было оставить хоть одного, разузнать, кто их послал. Поздно. Да и не самое это главное. Вот как с самим собою быть? Он опустился на колени перед собственным изуродованным, залитым кровью телом... и вдруг почувствовал, что неведомая и мягкая сила влечет его к нему, к этому месиву из костей и мяса. Он упал, слился с ним, затрепетал... и ощутил, что нет и не было раздвоения, что это он сам — целый, невредимый, немного усталый, с чуть приметными синяками и кровоподтеками на руках. Но ведь трупы негуманоидов лежали перед его глазами — страшные, искореженные, однозначно безжизненные. Он встал, пнул ногой ближнее тело. Оно дрогнуло, оно было настоящим, не призраком, не наваждением.

Значит, ему дано биться сверх силы! Значит, это был не сон, не бред — он был в Свете! и он послан в мир! и в него верят! Иди, и да будь благодисловен!

Иван стяхнул оцепенение.

Провал ждал его, зияя своим мраком. Нельзя останавливаться. Это закон не только Пристанища, это закон Жизни. Надо всегда идти только вперед — и тогда обязательно придешь к цели.

Паутина засосала его, сдавила, обволокла, прощупала, просветила, разложила на невидимые частицы. И выпихнула в молочно-белый туман.

Иван чуть не выругался вслух. Только Осеевое измерение ему еще не хватало! Он рассчитывал напрямик угодить в Старый мир. И он совсем позабыл, что дорога в него шла через Осеевое, и нечего злиться на шлюзы и фильтры. Дорожку эту давненько протоптали белгелы из секретного сектора Дальнего Поиска, которые, как он сам выяснил, последние годы работали на Синклит, и которых след простыл.

Он стоял по колено в белесом тумане и уныло глядел на серые пики скал. Куда идти? В Осеевом нет шлюзов-переходников, нет даже простеньких Д-статоров, Осеевое это мир призраков и теней. И туман, обволакивающий ноги, вовсе не туман, а растворенные в здешних полях неприкаянные души. Их много, им нет числа, они проходят через свое чистилище. Но причем тут он? Он ведь чист!

В Осеевом измерении нет направлений, нет дорог, здесь все туманно и призрачно. Оно и разделяет Старый Мир и Новый, но где эти границы, где черта, через которую надо переступить. Тяжко слепому без поводыря!

Иван прошел метров двести. Присел на замшелый валун. Раньше он приходил сюда, чтобы увидеть ее, Светлану. Теперь у него нет в Осеевом близких и в душе его нет пятен, ему нечего бояться наваждений и преследований. Он сидел и думал.

До тех пор, пока из-за спины не послышался тихий голос:

— Она приходит каждый вечер. И душит меня, понимаешь, душит!

Голос принадлежал Арману-Жофруа дер Крузербильд-Дзухмантовскому, рекомому в кругу друзей Крузей.

Иван не стал оборачиваться. Призраков нельзя притягивать, иначе потом не отвяжешься. Просто он убедился окончательно, Крузи среди живых нет. А приходит к нему по вечерам никто иная как Афродита, подлая и лживая любовница Хука Образины, которую он повесил на ее собственных простынях в Дублине.

— А вчера я обернулся, — продолжал Арман, — а это не она, это тот самый выползень, который высосал из меня кровь. Зачем он пришел? Что ему еще от меня нужно?! И так все отнял, жизнь...

Иван не удержался.

— Выползень пришел за твоей душой, — прошептал он, — но не бойся, он не отберет ее у тебя. Терпи, Крузя!

— Повернись!

— Нет, спасибо.

— Ты не хочешь повидать старого друга?

— Мой друг давно в сырой земле, а душа его на небесах.

— Ну, а я кто тогда?!

— Ты... — Иван задумался. — Ты сосуд, в который вливается... нет, не душа, а лишь ее тени, ее следы, оставленные повсюду.

— Спасибо, утешил!

— Ты не нуждаешься в утешении, — сказал Иван, прикрывая глаза ладонями, чтобы призрак исподволь, сбоку не влез в поле его зрения. — Ты не наделен душой, ты лишь мятущийся дух, а это разное, Крузя. Уходи!

— Нет! Я не уйду, ты сам привязал меня к себе, я не могу уйти.

Иван тяжело вздохнул — век живи, век учишься, влип как мальчишка, первый раз попавший в Осеевое. Теперь пойдет морока.

Он резко обернулся.

На валуне спиной к нему сидел покойный Артем Рогов. Он его сразу узнал по шраму на шее. Худой, жилистый, сутулый. Он обдурил Ивана, запросто обвел вокруг пальца — тоже еще Арман-Жофруа! Лучше было не смотреть.

— Ты зря убил меня, — бесстрастно изрек Артем.

— Я тебя не убивал. Ты сам сорвался в пропасть.

— Нет, это ты меня убил. А ведь я шел в Желтый шар, чтобы покончить с этой сволочью!

Иван снова обернулся, взгляделся в спину — нет, это не сутулость, это переломанный хребет, он так и не выправился... и дыра в затылке, запекшаяся кровь. Ошибся, он думал,

что Артем выстрелил тогда себе в грудь, а он взял да продырявил собственную башку. Да так и остался в Осеевом, только перешел из разряда живых в разряд неприкаянных.

— Ничего, Артем, — успокоил его как мог Иван, — а за тебя посчитался с ними... и тогда, и позже!

— Я не хотел работать на этих гадов!

— Да ладно, чего уж теперь. Я верю, многие влипли слуру, Синклит умел опутывать, я это понял позже... да что толку! — Иван невесело рассмеялся. — Ты меня прости, Артем.

— Если бы не подлец Голд Зовер, я давно бы поднял ребят. Его специально приставили ко мне, стукача поганого, суку подлюку!

— Плюнь! И забудь!

Туман начинал клубиться, это было нехорошим знаком. Но назад не повернешь. Осеевое измерение — Столбовая дорога Вселенной, обитель мучеников и страдальцев. Иван начинал различать в клубах отдельные лица, искаженные болью, раскрытые в крике рты, тянущиеся к серым небесам руки. Они почували присутствие живой плоти. Надо уходить.

Но Иван боялся спугнуть Артема Рогова. В тот самый «сосуд», что он притянул к себе запросто могла влиться иная субстанция. Нет, уж пусть лучше Артем.

— Зачем ты ушел из Старого Мира, ведь многие остались в нем?

Рогов повернул к Ивану лицо, изуродованное и шрамом от уха до уха, старым еще, заполученным на Замгамбе. пятой двойной планете системы Единорога, и свеженькой дырой, разнесшей полщеки.

— Там слишком хорошо, Ваня, для нас, грешных, нам там не место.

— А те, кто остался?

— Они просто дураки. На них там смотрят как на животных, как на пса, который с мороза забегал в теплый подъезд, которого просто жаль выставить обратно. Я не хочу так.

— Но ты знаешь туда дорогу?

— Конечно.

Оставалось попросить о главном. Но язык не поворачивался. Иван сидел сиднем и глядел, как густые и цепкие языки тумана лижут его сапоги. Он не спешил. Все так же как и всегда не хватало времени. Не хватило его, что бы толком побеседовать со своими друзьями-товарищами, переубедить их, не допустить бессмысленной бойни. Не хватило его на Алену, с которой не виделся целую вечность, и на родного, позаброшенного им самим сына, уж с ним-то он обязан был сродниться, свякнуться — не чужая кровь. Не хватило даже на то, чтобы разобраться в подполе с трехглазыми уродами — осмыслить, понять... что понять?! что в мире не все поддается объяснениям?! это он и так знал.

Раньше не было покоя, была суета и страшная неразбериха кругом. Сейчас покой пришел, и он разобрался с этими треклятыми уровнями и пространствами, но ведь вне него ничего не изменилось, неразберихи и хаоса не убавилось. И никогда не убавится. И прав был покойный батюшка, прав: нечего соваться куда не след! человек должен жить в том мире, где был рожден — попросту говоря, где родился, там и пригодился. А его, Ивана, все носило по чужим порогам... вот и постой у этого чужого, поклоняйся, впусти или не впусти? А если бы не было никакого Артема, ежели б не та дикая битва в Осеевом?!

— Я проведу тебя в Старый Мир, — сказал призрак. — Пошли!

— Пошли!

Иван встал. И почувствовал, как его ноги оторвались от каменистой почвы. Он поднимался вверх, он парил над молочным туманом, из которого тянулись к нему бледные и тонкие руки. Он и не подозревал раньше, что способен летать — просто так, без помощи всяких приспособлений, антигравов и прочего. Хотя от Осеевого можно было ожидать чего угодно.

Призрак парил рядом, но при этом оставался совсем не похожим ни на птицу, ни на ангела — какой там ангел с переломанным хребтом! Ему суждено оставаться таким, пока он здесь, потом станет лучше... или хуже, никто не угадает. Главное в другом, он простил Ивана. А Иван простил его. Прощение и понимание пришли с опозданием, но пришли. Никому не стало от этого легче. Какое там облегчение, когда во Вселенной людей идет безумная, уже проигранная война, и даже не война, а просто бойня, в которой убивают не единожды, но бесчисленное число раз, убивают бесконечно, до умопомрачения и утраты души, до растворения ее во мраке. И Артем знал об этой бойне. Лучше бы ему и не знать, подобно неприкаянным, тянушим свои хлипкие руки, разевающим в беззвучном протяжном вое рты. Что толку выть и стонать! Что толку молить и просить! Ничего не изменится, такова сама природа Жизни и Смерти — цивилизация землян тысячелетия назад пришла в Жизнь, теперь она ее покидает, кончилось ее время, она издыхает в агонии... Нет!

Иван протянул руку призраку.

И тот сжал его ладонь.

И они взмыли вверх. Взмыли, теряя ощущение верха и низа. Иван ожидал, что окоемы раздвинутся, что он узрит бесконечную череду скал. Но получилось наоборот — их словно окутало молочным пушистым туманом, как ватой, запорошило глаза, оглушило, что-то тяжелое и неостановимое навалилось со всех сторон.

— Ничего не бойся, — прошептал в ухо Артем. — Все нормально, мы стоим там же, остальное только кажется, понял?

— Нет, — просипел Иван.

— Старый Мир не за горами, к нему не надо идти. Он сам вбирает в себя... надо только вызвать его.

— Вызвать?

— Да, есть коды. Но ты меня больше ни о чем не спрашивай, Иван, ты десантник и я десантник, я помогу тебе как брату. И никакие коды тебе больше никогда не понадобятся...

— Почему?! — Иван попытался вырвать свою руку из руки Артема. Но тот держал крепко, железной хваткой.

— Ты останешься там. Новые миры гибнут. Тебе незачем выходить!

— Нет! Ты не имеешь права!

— Имею! Должен хоть кто-то уцелеть из наших. Хватит смертей!

Иван вздрогнул при слове «наших». Значит, Артем, несмотря ни на что, причислял себя к «нашим», значит, действительно свой. Сколько таких погибло зря! Проклятая, подлая жизнь, почему ты не даешь смертным исправить свою ошибку, искупить, пережить заново час слабости! Спорить бесполезно, ежели Рогов что-то втешивал себе в голову, то на ней можно хоть кол тесать, ничего не изменишь. Теперь Иван и сам ощущал, как из чего-то непостижимо большого и прекрасного, светлого и чистого к нему, застывшему в гущенной белизне тумана, выдвигается невидимая и полуживая труба, как она притягивает к себе, засасывает — еле уловимо, мягко, неслешно. И еще он ощущал, как разжимается рука Артема, как пропадает в белой вате его затихающий голос: «Про-о-ша-ай!».

Он ушел из Осевого. Его вбирал в себя мир иной, неведомый.

Но прежде, чем рассеялись последние клочья живого тумана, перед Ивановыми глазами, вырвавшись из уходящей белизны, проступило искаженное болью лицо, женское лицо с растрепанными, разметавшимися волосами и глазами, полными отчаяния, мольбы, ужаса. Светлана!

— Назад! — заорал он что было мочи, раздирая горло в нечеловеческом крике. — Наза-а-ад!!! Оставьте меня в Осеве-о-ом!!!

Раскаленным обручем стиснуло голову. Замерло пронзенное болью сердце. Он все понял, понял в единый миг — она умерла! она погибла в той лютой бойне, что шла на Земле! Она ушла навсегда, пока он прохладился в Пристанище и здесь! он не смел ее бросать! наза-а-ад!!!

Искаженное мукой лицо растаяло в тумане.

И сам туман пропал.

Вернулось ощущение тяжести, прохлады. Он лежал на земле, обычной терпко пахнувшей земле, уткнувшись лицом в густую траву — самую настоящую, земную, лучшую в Мироздании траву. И ветер легкими, нежными струями своими холодил его спину, затылок. Он лежал и плакал, навзрыд, сотрясаясь всем телом, не желая ничего видеть вокруг, моля об одном — о смерти. Светлана, бедная, несчастная Светка! Он не имел права бросать ее. Не имел!

— Успокойся, сын мой.

Теплая и мягкая ладонь легла на его затылок. Голос прозвучал столь знакомо и близко... будто не было долгих лет, будто не было ничего. Иван повернул голову, приоткрыл глаз. Рядом, прямо в траве в черной рясе, с непокрытой седой головой сидел батюшка, его стародавний друг и собеседник. А вокруг простиралось зеленое привольное поле, обрамленное далекими зелеными лесами, и высилась над ними береза, склоняя свою зеленую, чуть трепещущую на ветру крону... как многие годы назад.

— И это... Старый Мир?! — спросил Иван сквозь слезы, удивленно и ошарашенно.

— Это просто мир, — ответил батюшка, — все остальное нынче называется иначе. Успокойся, Иван, здесь тебе ничто не грозит, поверь мне.

— Ее убили! — прохрипел Иван.

— И тебя убивали, сын мой. Смирись с неизбежным. Она не останется там, ей определено другое.

— Ты все знаешь?!

— Я знаю, что есть, не более того. Успокойся.

Мягкая ладонь, из которой исходило тепло и покой, легла Ивану на лоб. И он сразу перестал дрожать, расслабился. Он смотрел в знакомое до слез небо — синее, бездонное, украшенное белыми кучерявыми облаками, родное, русское небо, защищающее от сил тьмы лучше, чем километровые слои бронетитана, чем миллионы нацеленных во мрак ракет. Но он уже знал, что это небо не то, не старопрежнее, это другое небо — вечное и неподвластное.

Ивана почему-то перестало удивлять, что батюшка, убитый давным-давно теми, кто шел по его, Иванову, следу, и похороненный на тихом сельском кладбище, жив, здоров и невредим. Откуда-то издалека, из этой небесной сивены, пришло понимание — здесь так и должно быть. И никакой это не загробный мир, не рай небесный, а нечто совсем иное, необъяснимое.

— Я хочу увидеть ее... — попросил он как ребенок.

— Потом, — пообещал батюшка. Пригладил растрепанные седые лохмы. Поглядел на Ивана проникновенно, с прищуром.

Тому показалось, что вот сейчас опять завяжется бесконечный их спор о человеке мятушемся, о Земле и Черной Пропasti, в которую падают все миры... но предчувствие это развеялось. Тут не о чем спорить, тут все и так ясно. Иван приподнялся, подошел к березе, привалился к ее стволу. И сразу почувствовал себя сильным, как это дерево, открытым всем ветрам. Светлана! Она умерла, ее больше нет. Где нет? Там, на Земле, во Вселенной людей? Но ведь и его там нет, и Армана там нет, и батюшки, и отца с матерью... и что с того, что это меняет? Успокоение. В обретении его начинаешь понимать, что не даруется оно раз и навсегда, но нисходит волнами, теплыми дуновениями. Так и должно быть.

Он вспомнил рассказы бледного секретника про Старый Мир. Он убил этого несчастного, убил собственными руками — предателей не прощают. Но тот еще до смерти много чего поведал: и про то, что в Старом Мире живут не люди, а боги, что там человек прозревает и обретает слух, что после Старого Мира уже невозможно, тяжело, нудно, горестно и погано жить в мирах новых, и что кроме новых миров за пределами Старого Мира ничего нет, все новые: вселенные, системы, пристанища, осевые и прочие измерения, преисподняя, все пространства, все, что образовалось после всей череды больших взрывов... что только там и начинаешь понимать: — есть всего лишь две полости в Мироздании Бытия. А еще он говорил, что из Старого Мира все прочие миры видны насквозь, будто перед аквариумами сидишь и глядишь на тех, кто и не подозревает, что за ними следят... он говорил о чудесах. Но Иван не замечал никаких таких чудес. Трава как трава, поле как поле, небо синее и вечное.

— Я должен увидеть ее! — повторил он с нажимом.

— Хорошо, — батюшка склонил голову, — здесь ты властен во всем. Я знаю, Кто тебя прислал. Но я знаю и другое — благое дело не терпит суеты. Ты чист и светел. Ты хозяин здесь. Но всегда помни, зачем ты послан сюда...

— Я помню!

Ему не нужно было много, он хотел лишь увидеть ее — в последние часы, в последние минуты, ничего больше.

И он увидел.

Синь перед его глазами стала до невозможности прозрачной, уткнула куда-то в стороны. И открылся ад земной. Не на экранах, не в объемных голопроекциях, а всей реальностью своей, зримой плотью.

На Земле не было таких воронок, не существовало таких впадин. Ржаво-черный шар, колеблющийся в багряных языках пламени, опускался в неимоверной величины черный провал. Тучи демонов, рогатых, крылатых, бешено, истерически клекочущих, стаями выпархивали из каких-то мрачных гнезд в стенах провала, бросались на шар и отлетали обугленными, трясутыми комьями, застывали на миг в черном дрожащем воздухе тягучего пожара, падали в извергающиеся снизу тонкие струи лавы. А шар неудержимо и натужно шел вниз, в геену огненную, в ад. Время от времени он испускал из себя грозды молний и мерцающие ступки, они разрывали тьму, пробивали путь... Это было страшно. Это было вдвойне страшно, потому что, Иван знал, внутри шара еще жила она, Светлана.

Большое логово нащупали со «Святогора». Кто бы мог подумать, что оно окажется под развалинами старого тихого Вашингтона, позаброшенного еще полтора века назад, захолустного городишки. Шупы звездолета-матки и локаторы «черного ступка» Цая ван Дау засекли в этом заброшенном пустыре, точнее в норах под ним, уходящих на десятки миль вниз, такую силу нечисти, такую концентрацию инфернополей, что остатки седых волос на голове у Гуга Хлодрика встали дыбом.

Церемониться с врагом не было смысла. И «Святогор» под унылые присказки унылого Дила Бронкса засадил в логово два глубинных заряда подряд. С карательным рейдом вызвались идти Глеб Сизов и Кеша. Но после побоища под Парижем, после того, как чудом удалось выбраться из сатанинского котла, Гуг Хлодрик запретил ходить парами, надо было шадить бойцов, и так по пальцам пересчитать.

Светлана распахнула налево-направо обоих добровольцев. — Пойду я! — сказала она с такой решимостью, что Гуг не выдержал, отвел взгляд. А Лива, утратившая после пробуждения свою твердость и силу воли, расплакалась.

— Пойду я!

— Иван просил беречь тебя, — глухо процедил Кеша.

Но это высказывание лишь распалило Светлану. Они просто забыли, что она не только жена бывшего Верховного, но и боевой офицер Дальнего Поиска.

Она не сказала больше ни слова. Но вопрос был решен.

На матке еще оставалось две дюжины шаров. Светлана не выбирала. Каждый побывал в бою, каждый был полностью укомплектован боезарядом — шестиногие «муравьи»-киберы несли службу исправно. И не в этом заключалось дело. После вылазки с Иваном они так ни разу и не зарывались в недра планеты, не пытались пробиться внутрь и разобратся с нечистью. Они выжидали поверхностные слои, один за другим, методично, беспощадно, сатанея от тяжелой и глупой работы. Нечисти становилось все больше. Порой Земля казалась Светлане каким-то огромным червивым плодом, все внутренности которого выела омерзительная, копошащаяся внутри мразь. Она уже не верила в освобождение рабов. Ей двигала жажда мщения.

Сверху шар прикрывали всеми силами. Лишь шесть патрульных звездолетов, управляемых Цаем с его «ступка» висели на геостационарных орбитах. Все остальные обеспечивали прорыв Светланы.

А она, опускаясь в гигантскую воронку, мечтала об обычной десантной капсуле, которая как ножом масло резала любой грунт. Но где сейчас взять капсулу?! Она верила, что именно в этом поганом логове таится голова той чудовишной гидры, что опутала всю планету. Без веры она бы и не пошла вниз. Смертники! Они все смертники, они все обреченные. И бежать некуда, от себя не убежишь.

Здоровенные пузыри вспучивались на дне воронки. И лопались, выпуская наружу в зловонных клубках пара сотни крылатых гадин. Силовая защита отбивала струи лавы. Бортовые радары показывали, что еще глубже, буквально в двух-трех тысячах метров что-то есть, непонятное, темное, инородное... инородное во чреве Земли?! Светлана увеличила скорость. И дала полный пробойный залп — бить так бить! Тучи пыли, грязи, пены и пепла ударили на километры вверх, выбрасывая из воронки всю нечисть и мерзость. Удар был направленный, мощный — и он пробил туннель к этому непонятному и темному.

— Вперед! — Светлана вжалась в кресло.

Страх не было. Были ярость и азарт. Даже если придется погибнуть, она все равно успеет уничтожить поганую гидру.

— Вниз!!!

Почерневший в побоищах шар ворвался в туннель с оглушительным ревом, готовый нанести молниеносный удар по любой появившейся цели, готовый сокрушить любую твердыню.

Но никакой твердыни за туннелем не оказалось. Звездолет вынесло во мрак и пустоту. Он сразу оглох и ослеп. «Бортовой мозг» ничего не понимал и ничего не мог объяснить. Такой пустоты и мрака внутри Земли не должно было быть!

Светлану потрянуло так, что чуть не выбросило из кресла. Перегрузочные системы не срабатывали. Посланные радары корабля лучи ушли в пространство и не вернулись. Шар висел в пустоте — безмерной и бесконечной.

Сквозной канал! Светлана поняла, что случилось, когда было поздно. Вот он, Сквозной канал, она угодила прямо в него! Здесь пусто, здесь ничего нет! Но отсюда естьходы и в Пристанище, и в Систему, и в саму... преисподнюю. Нет, она не собиралась сдаваться просто так. Она еще поборется! Пока «мозг» звездолета послушен ей, она поспо-

рит с судьбой, не все кончено!

— В Невидимый спектр!

Шар задрожал мелкой дрожью. И мрак на экранах исчез. Расцвели мохнатыми бесконечными лианами лиловые переплетенные в замысловатых узорах структуры. Зрение обострилось до нечеловеческой силы и ясности, открылись невидимые, но опутанные все теми же сплетениями дали. Надо было найти лазейку между ними, дорожку — это и станет выходом. «Мозг» работал на полную, не шадя себя. Светлане оставалось только ждать. Она не могла рассчитывать на помощь Гуга Хлодрика, Дила Бронкса и других. Она сейчас далеко от них, далеко от Земли, вероятно, за тысячи парсеков. Кто бы мог подумать, что «дыра», уходящая в иные измерения и пространства, окажется именно там, под третьеразрядным захолустным городишком, в котором последние двести лет жили одни дебилы и наркоманы. Поздно! Ожидала одно, а получила другое... еще и неизвестно что.

— Вот ты и попала в мышеловку. Мышка!

Громовой голос прогрохотал снизу, даже серый пол затрясся.

Светлана узнала этот голос — старческий, дребезжащий, тусклый. Он мог принадлежать лишь бессмертному, насавшемуся крови многих поколений выродку. Вот она — Игра. Игра по чужим правилам!

Обзорные экраны съезжились, сморщились будто обгорелая пленка, стекла жижей вниз. И прямо на сером бронеметалле обшивки выпучилось дряблое, отвратительное лицо.

— Ты узнаешь меня?

— Да!

Еще бы ей не узнать Мертвеца-Верховника, властелина Зала Отдохновения, злого гения ее последних лет. Он пришел за ней, за ее жизнью. Он все-таки обыграл ее!

— Ты очень глупая мышка, — снисходительно протянул старец, — с тобой неинтересно играть. А ведь ты возмнила, что погубила меня в каменном мешке заточения, что сожгла мое тело... и-ех, простота — хуже воровства. Разве я тебе не говорил, что единсуш в множестве ипостасей? Говорил. И вот ты сама пришла ко мне... Глупая мышь всегда сама бежит в лапы к кошке.

Светлана оцепенела от ужаса. Ей стало холодно, вероятно холодно, будто весь холод Космоса проник внутрь нее. И все же она нашла в себе силы, она выхватила одновременно с двух сторон оба парализатора, вставившие на ее бедра в кобурах, и вцепилась двойной очередью в огромное уродливое лицо. Поверхность брони вздыбилась, покрылась пузырями и тут же сделалась гладкой и чистой.

— Не бойся, я не притронусь к тебе...

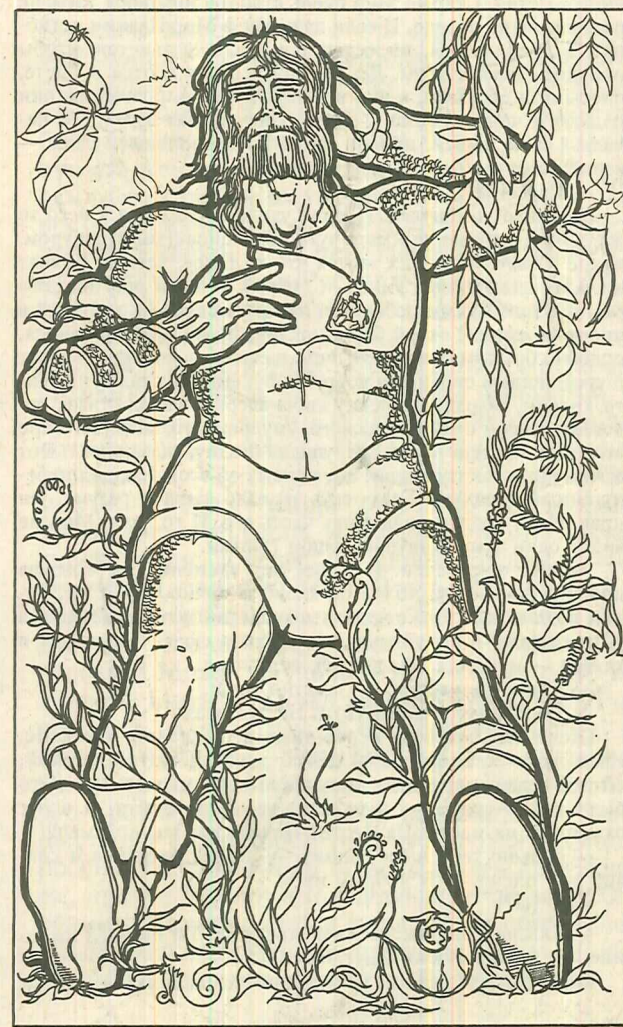
Иван все видел. У нее было лицо точно такое, как там, в Осевом. Ужас, отчаяние, боль. Он видел все. Изнутри и снаружи. Корабль-шар незримо, непонятными, чудовишными силами в мгновение ока разорвало на две части, будто орех — обе половины разлетелись, сгнув во мрак. И какую-то долю секунды она, Светлана, нежная, живая, теплая и беззащитная висела в пустоте. Висела, откинув назад голову с разметавшимися русыми волосами, сложив крестнакрест руки на груди, поджав колени. Ее разорвало в клочья — словно в ночи вспыхнула ослепительно-алым цветом и погасла сверхновая звездочка. От нее не осталось ничего. Черная Пропасть, в которую падали все миры во все времена, поглотила и эту малую каплю жизни. Ничего — ни любви, ни мук, ни отчаяния, ни боли.

Иван сдвинул лицо руками. Прав был батюшка, не надо видеть такого, не надо. Она умерла. Ее больше нет.

— Она обрела бессмертие, — прозвучал совсем рядом тихий и добрый голос.

— В Осевом, — мрачно откликнулся Иван.

— Для бессмертных душ нет барьеров, — стоял на своем батюшка, — она взойдет к Свету. Не печалься о ней. Печалься

об утративших души, погрязших во мраке — их много, неисчислимо много, переходящих из нор земных в воды черного океана.

— Мне плевать на них! — зло обрубил Иван.

— Нет, сын мой, твой язык сейчас не принадлежит тебе. Ты еще слаб. Но ты будешь сильным.

Иван открыл глаза, прогоняя страшное видение. Белые облака плыли по синему небу, перекачивались неспешные волны по зеленой траве-мураве, шуршали листья березы над головой. Ничего не изменилось в этом мире.

Ничего. Так заведено. Она пережила его смерть. Он переживает ее смерть. Ничего! Надо только стиснуть зубы и не раскисать. Игра не закончена. И придет час, когда он заставит их, этих выродков, играть по своим правилам. И пусть их легион легионов, все равно он сокрушит их, ибо он — Меч Вседержителя!

— Пойдем, тебя ждут, сын мой.

Иван кивнул. Надо идти. Все будет так, как было сказано. Иди, и да будь благословен!

Зеленое поле казалось бесконечным, и хотелось шагать по нему всегда, без остановок, без привалов и оглядок, только вперед, к зеленым кронам далекого чистого леса. Иван не помнил, когда он дышал так легко и свободно, такого дивного воздуха не было ни на Земле, ни на одной из других планет. Старый Мир! Здесь живут боги... Где они? Трижды Иван наткнулся на лежачих людей в десантной форме, они были обросшие, изможденные и счастливые. Они не видели проходивших мимо, хотя глаза их, раскрытые и восторженные, отражали всю синь неба.

— Эти тоже пришли из Осевого. Их никто не звал сюда... — пояснил батюшка.

— Но никто и не гонит?

— Нет. Зачем гнать? Они никогда не поймут, куда попали, они только смотрят. Для слабых нет ничего иного... ты же видишь, на их лицах блаженство.

— Они просто устали в своем мире, — заключил Иван.

Батюшка кивнул, ничего не ответил. Он смотрел вдаль, выше убегающей зеленой крошки дубравы. Что он там видел? Иван ничего не понимал, но душевный покой возвращался к нему. Он начинал постигать немудреную вещь, что ярься и злобясь, лютая и теша жажду мести, ничего не добьешься и никогда не пересиличи врага. Надо превзойти его, подняться над ним, ощутить не злобу и ярость к нему, а лишь ясное понимание, что это излишнее на белом свете. И все. Чем дольше и быстрее они шли, тем ровнее начинало биться его сердце, глубже и легче дышалось. Он ни о чем не спрашивал, зная, что скажут, когда придет черед, и ни один из вопросов не останется без ответа. Ведь его ожидает встреча с излюбленными сыновьями Творца, с наделенными благодатью и просветлением, с теми, кто предшествовал апостолам и ученикам Его, с носителями Истины. Да, Господь мог наделить его знаниями сокровенного и силой вершить суд, наделить сразу — рукоположением Своим, взглядом Своим, еще тогда в Свете. Но Он не сделал этого. Теперь Иван понимал, почему. Избавление должно было принести не Чудо, но воля, ум, вера и сила смертного, рожденного на Земле и постигшего все постижимое на крестном пути своем. Много званых, да мало избранных!

— Кто ты? — неожиданно спросил Иван у батюшки.

— Ты знал лишь часть мою, ее ты и видишь, — ответил тот смиренно.

— А помнишь, как мы вели беседы долгими зимними вечерами, как мы спорили под той березой, под тем синим небом... Помнишь, как ты крестил меня?!

— Все помню, Иван. Даже то, как ты скорбел на моей могиле, как корил себя...

— Но ведь ты был мертв, — тихо изумился Иван.

— Отсюда все видно. И я смотрел за тобой, я радовался твоим победам и горевал вместе с тобой. Но зло сюда не приходило, сюда приходит из иных миров лишь доброе и чистое, Иван. Старый Мир очень стар, он научился жить не по лжи, но по правде. И если даже все в Мироздании погибнет, истребив себя, он останется, Иван, останется, чтобы породить новые миры. Да, да, они все рождаются в Свете, чистыми и добрыми, и они все идут путем вырождения, они падают в черную бездну, даже не осознавая этого. Не печалься и не горюй, придет время и ты вернешься сюда — вернешься, чтобы остаться навсегда.

— Навсегда?

Батюшка улыбнулся. И Иван увидел, что глаза у него те же самые, добрые, умные с чуть подслеповатым прищуром, какие и были, но в них таится что-то такое, чего не бывает в глазах даже самых умных и добрых — и он ощутил себя рядом с ним малым ребенком, несмышленишем, который в простоте и суеверии своей бегал по полю по полю, резвился, подобно братьям своим меньшим, щенкам да котяткам, и вдруг подхваченный сильными добрыми руками опустился на чьи-то колени, задрал головку свою вверх и увидел глаза человека совсем иного, взрослого, умудренного, знающего про этот свет все или почти все, увидев бездну, глаза бога... Вот почему они так говорили! Вот почему об этом твердил перепуганный бледный! Глаза есть зеркало души и разума. Он прав, Иван прежде знал лишь часть его. И то дело. Многие видят одни тени живущих рядом с ними.

— Этот мир вечен. И в нем нет времени. Ты можешь прожить здесь век, но ты останешься точно таким же, каким вошел сюда. Даже через тысячелетия, если намеришься уйти отсюда — ты уйдешь в миг входа сюда. Поэтому я и сказал — навсегда. Ты должен вернуться.

— Я еще не уходил, — заметил Иван.

— Ты пришел, чтобы уйти. На этот раз.

Стена леса выросла перед ними неожиданно, внезапно. Иван даже остановился — целый водопад густой, темной, сочной зелени струился с могучих высоких стволов. Это было как в сказке — шли-шли, не могли пройти, и вдруг оказались на месте. На месте? Почему он так подумал?!

— Дальше тебе идти одному, — сказал батюшка и сдвинул ему плечо. — В добрый путь!

— А ты?!

— Каждому положены свои пределы. Ты пришел не ко мне, но к ним. И они ждут тебя. Иди!

Иван прижал седого, невысокого священника в черной

рясе к груди, потом оторвался и молча, не сказав ни слова на прощание, пошел в густую сень дубравы.

Иван сидел на небольшой опушке, залитой солнцем, сидел в окружении огромных и стройных деревьев, которым он не знал названия, смотрел на их шевелящиеся темные кроны, общающиеся с небом, и думал, что никогда человек не создавал и не создаст храма величественнее и проще, чем этот храм, созданный тем безликим и невидимым, что именуется Жизнью.

Две недели он бродил по дубравам в одиночестве,пил чистую и звонкую воду из крохотных ручейков, обирал с кустов и трав ягоды, ел их, без спешки, неторопливо радуясь терпкому вкусу каждой в отдельности, наслаждаясь тайной живой силы, заключенной в крохотных комочках. Слой за слоем, неприметно и безболезненно сходило с него лишнее, наносное — будто сам чистый воздух дубрав, густой как ключевая вода, смывал с него внешнюю грязь, избавлял от незамечаемой им дотоле коросты. Он спал прямо на земле, в травах, под могучими и надежными стволами деревьев. И вставал свежим, бодрым, счастливым, каким он никогда не бывал в новых мирах, разве лишь в далеком полузабытом детстве. За все эти дни он не видел, не слышал, не осязал ничего ненужного, неприродного — ни шумов, ни дымов, ни лязгов, ни машин, ни дискотетов... ни на едином дереве не было ни отметины, ни таблички, в траве и палой хвое — ни ржавого гвоздя, ни гильзы, ни оторванной пуговицы, ничего, будто никогда не бродил, не ходил здесь, в девственных лесах, человек, оставляющий следы свои. Дубравы были чисты, и сосновые роши были чисты, в них не докучал гнус и комары, из них не хотелось уходить... Да и куда? Никаких выходов не было. Лишь встречались временами опушки — крохотные и светлые, с порхающими беззаботными бабочками и висшими в хрустальном воздухе стрекозами. Один раз Иван набрал на лесное озеро, заглянул в темный вод его и поразился глубине — то ли казалось это, чудилось, то ли было наяву — видел он на тысячи сажень, видел тихих молчаливых рыб и покачивающиеся в вечном танце водоросли, видел песчинки, в каждой был свой мир... Он скинул одежды прыгнул в воду. И почти сразу выскочил обратно будто ошпаренный. Он впервые испытал ощущение очищающего холода, проникшего внутрь тела, омывшего его своими целебными струями изнутри, омолодившего, придавшего сил... все это было невероятно. Иван провел рукой над бровью и не нашупал шрама, его не было. Значит, его и не должно было быть. Все просто. Он оделся и еще долго лежал на берегу, глядя в чарующую глубь. Потом побрел дальше.

Волхв явился ему на двенадцатый день, когда Иван сидел на точно такой же полянке, ни о чем не думал, наслаждаясь самим бытием своим в этом сказочно-обыденном, простом мире.

Иван не испугался и даже не вздрогнул, не напрягся, когда высокая и сухощавая фигура в светлых льняных одеждах возникла перед ним прямо из пропитанного солнечными лучами воздуха. Длинные волосы, усы и борода волхва были седыми как лунь, но лицо его смуглое и доброе, было молодо, легкие морщины над прямыми бровями и две складки, бегущие от скулы, не старили его. Волхв, не сводя взгляда светлых глаз с Ивана, опустился на замшелый валун, которого прежде не было на полянке — Иван точно помнил, и улыбнулся еле заметной улыбкой.

Они сидели и молчали. Но молчание не было тягостным. Поначалу Иван не нашел даже слов для приветствия, но потом понял, что никаких приветствий не надо, что этот человек всегда был с ним, а может, и в нем самом, что они не расставались, просто сейчас он стал немного виднее, понятней... и он не совсем человек, но и это неважно.

Иван смотрел в светлоглубые глаза волхва без робости и стеснения, и до него доходило, что это тоже не совсем глаза, что это двери, распахнутые в диковинный, чудесный мир, в котором нет ни железа, ни ускорителей, ни звездолетов, ни гиперторфидов, ни батарей, аккумулирующих энергию тысяч созвездий и галактик, ни биогенераторов, ни зургов, в котором нет ничего не созданного самой природой и Творцом, но который в миллиарды раз сильнее, могущественней всех иных миров. Смотрел и ждал, зная, что в запасе у него вечность.

— Ты многое постиг на пути росс-веда, — начал без вступлений тихим проникновенным голосом волхв, — под солнечным ветром Белого бога тебя вел дорогой воина Индра, наделив алмазной силой своей, преодолевая врага своего Вритру и впитывая в себя его крепь. Ты постиг больше прочих смертных, наделенных душою. Ты не разделял первоуровней и постигал мудрость вождя их, черного воина Кришны, являя тем миру свою мудрость и зрелость. В тяжкие времена к тебе приходят, вливаясь в душу твою, тысячи воинов Рода нашего, они покидали луга истинного Влеса, чтобы укрепить тебя, ибо ты многого достиг и ты был их продолжением в новых мирах. Ты много успел за короткую жизнь свою... и ты мог бы обойтись без нашей помощи, взбираясь вверх по лестнице, ведущей к Свету, ты мог бы стать одним из нас и обрести вечность среди всемогущих истинных детей Создателя. Но на тебя пал иной жребий!

— Я знаю, — кивнул Иван.

— Знать мало, — мягко поправил волхв, — и понимать мало. Надо видеть. Ползуций по следу знает запах жертвы и преследователя, облики их и стать, по отпечатку копыта и лапы он познает, что было, предугадывает, что будет. Но воспаривший в высях видит — все сразу, он не вязнет в песке и глине, дорожная пыль не застит его взора. Он в д и т. Ты должен не только знать, ты должен видеть и иметь силу. Тогда свершится возложенное на тебя.

— Я готов! — Иван склонил голову.

Когда он поднял ее, волхв на поляне не было.

Честно говоря, еще месяц, два назад, даже позже Иван ожидал совсем иного — он думал заполучить от сыновей Вседержителя коды проникновения в пространство, овладеть новой ступенью боевых искусств, разжиться всеограшающим оружием, которое позволит ему смести нечисть с лица Вселенной людей... Потом все эти ожидания куда-то сами собой запропастились, и вместе с покоем душевным пришло осознание прежней мелочности и суеверия, но и это

ощущение растворилось почти бесследно, не оставив и тени на его челе. Еще два дня он бродил в лесах, размышляя об услышанном и наслаждаясь пением птиц, таящихся в густых кронах над головой. В блужданиях своих он набрал на искрящийся водопад, ниспадающий с каменного уступа. И, не раздумывая разоблачился, встал под его струи. Ощущение очищающего холода было таким же как и в лесном озере. Но теперь Иван учился терпеть, и с терпением этим прибывали в нем силы неведомые и небывалые. Только сейчас он начинал понимать, что такое настоящее здоровье — тот, каким он был прежде, казался ему хилым, издерганным, нервным, суетным, болезненным типом, думы о прочих смертных вызвали в нем и вовсе жгучую до боли жалость, слава Богу, что они сами не понимали своей убогости, нечистоты и слабости.

Ближе к вечеру второго дня после встречи с волхвом он решил оглядеться, испытать себя — он с быстротой белки, не ощущая ни малейшей усталости и почти не прикладывая усилий, вскарабкался по совершенно ровному стволу корабельной сосны на двухсотметровую непостижимую для дерева высоту. И ничего не увидел кроме бескрайнего моря зелени, кроме синего неба и чистого, ясного солнца над головой. «Земную жизнь пройду до половины, я оказался в сумрачном лесу...» — припомнилось почему-то. Нет, лес не был сумрачным. Лес был светлым, чистым и... живым. Иван совершенно неожиданно понял, что ему совсем не надо сползать вниз по стволу. И он разжал руки — упругая зеленая ветвь подхватила его, передала другой, нижней, та мягко бросила на ладонь раскинувшейся под ней... а потом он сорвался с пушистой хвои и стал медленно опускаться, будто проглотил с десктом антигравов. Это было не падение, но тихий и плавный полет. Он управлял своим телом, иногда чуть взмывая вверх, иногда останавливаясь в теплых струях восходящего воздуха, пропитанного запахами сосен, и медленно скользил вниз.

Ночью ему не снились сны. Он закрыл глаза в сумерках. А открыл с первыми лучами, пробившимися сквозь переплетения ветвей. И снова долго шел. Пока не набрал на эту опушку.

Он уже знал, что опять увидится с волхвом. И не ошибся. Поначалу ему показалось, что ему явился тот же самый человек в льняных одеяниях, явился как и в прошлый раз — из воздуха. И глаза были те же и лицо, и седые пряди. Но всмотревшись, Иван понял — не совсем тот, этот старше и чем-то ближе, будто кто-то из дальней единокровной родни. Вполне возможно, что это лишь казалось.

— Ты быстро впитываешь в себя белый дух Рода, — сказал напрямку волхв, — и ты уже лучше видишь, ты не зря готовил себя к встрече с нами еще в земных мирах.

Иван смутился, пожал плечами.

— Я бесцельно блуждаю в дебрях, — начал оправдываться он, — а вижу ровно столько, сколько видел прежде.

— Не обманывай сам себя, — прервал его волхв, — и не напрашивайся на похвалу. Я только хотел сказать, что тебе здесь легче чем другим, потому что ты пришел не в чужой мир и не к чужому Роду, ты, извергнутый как и прочие при рождении, приобщаешься, осознавая себя частью созданных по Образу и Подобию. Очевидное не утаишь.

Волхв уселся на невысокий и чистый пенек. Иван мог дать голову на отсечение, что еще минуту назад здесь не было никакого пня, но теперь это его несколько не удивило. В живом лесу не валят деревья, здесь не может быть пней, но ежели он нужен — он будет.

— Это Священный лес. Его не было в Старом Мире до нашего прихода, мы перенесли его с собой, тысячелетия назад. И теперь нет по иным вселенным старше его, даже если вселенным этим десятки миллиардов лет. Ты понимаешь меня?

— Да, — ответил Иван. И на самом деле он начинал понимать волхва. Старый Мир был изначален, и все, что попадало в него, обретало значительность, ибо в иных мирах было только отражением изначального.

— Смертные рождаются обреченными, одинокими, они приговорены к жизни в пустоте и неосознанности — ты не знал этого, но ты познал это. Ты сам был рожден среди миллиардов землян изгоем, как и прочие, не ведая себя, не зная принадлежности своей и места своего. Но началось это не с твоего рождения, а задолго до него. Представь себе муравейник, в котором каждый обитатель его развернут в кокон, отделяющий его от братьев своих, представь пчелиный рой, где каждая пчела опутана пленкой, отражающей ее от сестер, представь себе, что ожидает этот муравейник и этот рой — и ты узришь судьбу рода людского. На тебя пролился Свет, исходящий от Отца нашего, и ты в состоянии видеть в Свете. Но прежде, чем начать видеть, ты должен избавиться от отрешенности, навязанной тебе чужими, властвовавшими над тобою и надо всеми живущими в земных мирах. Ты должен быть силен не только своей силой, но силой всех твоих дел, праведов, прашуров, всего Рода твоего, из коего ты вышел. Твою связующую нить с Родом твоим обрубили правящие Землей и Вселенной, как обрубали они ее каждому из рожденных на Свет Божий в веках и тысячелетиях. Ты блуждал, страдал, маялся, метался и не находил ни дороги, ни выхода, потому что из тебя сделали «муравья в коконе», потому что на твои глаза, на твой мозг и твою душу надели с рождения черную повязку. Ты постиг многое, ты познал, что земными мирами правили выродки и при власти их вырождение было законом — иначе не могло быть. Тебе пришлось пройти через все круги ада, чтобы познать очевидное, лежащее на ладони. Но миллиарды рождаются с повязкой на глазах и умирают с нею. Так заведено выродившимися, так удерживают власть свою — власть животных, не наделенных душою, над созданными по Образу и Подобию. Ты с каждым днем, с каждым часом преобывания в Священном лесу становишься сильнее и мудрее. Ты обретаешь связь с Родом своим, ты становишься одним из нас, посланных на Землю Свыше.

Иван смотрел прямо в светлоглубые глаза волхва. И видел, понимал, впитывал в себя в тысячи раз большее, чем изрекаемое устами. Этот седой волхв с молодым лицом родился за тридцать тысячелетий до него. Он был из тех полубогов и героев, что пришли на Землю, в мрак и хаос остервенелой борьбы за выживание, пришли, чтобы прине-

сти в мир тупой, дикой, алчной и хищной плоти Божественную искру. Но пришли не со стороны, не прекрасными и вселимыми, но инопространственными чужаками-благодетелями. А пришли Внеземным Божественным дыханием жестких космических излучений, проникших из сверхпространственных измерений, поразивших хищную, алчную, тупую плоть избранных двуногих на генном уровне и уровне неуловимом, тонкоматериальном и нематериальном, породивших в этих животных душу и наделивших их Духом. Десять тысячелетий Божественного Дыхания! Сотни, тысячи первоначально избранных среди миллионов злобных и трусливых зверей! Род созданных по Образу и Подобию! Он точно знал это, он чувствовал чем-то безмянным, сидящим в груди и под черепными сводами — в крошечном мраке и хаосе животного естественного отбора, в визге, рыке, реве, зуде, писканье, столах и вое бесконечной, беспредельной грызни вершилось Иное, Благое, не доступное пониманию обездушенных исследователей. Вершилось зарождение и становление Рода, который лишь и дал право всему прочему двуногому называться в веках родом людским, Рода, положившего начало самому человечеству. Да, уже тогда было то, что он узрел лишь недавно — была биомасса: хвостатая, рогатая, зубастая, ушастая, прыгающая, скачущая, ползающая, летающая, прямоходящая, четверорукая и предмыслящая. Творец одухотворил часть этой плоти... и все, что делалось позже в Пристанище, на нынешней Земле, в подземельях, в норах, вивариях, инкубаторах, лабиринтах, ярусах, делалось тупым копированием тех великих деяний Творца, животным, неодухотворенным обезьянничаньем, делалось с дьявольским ухищрением, делалось самим дьяволом — ибо именно он и был по мудрым изречениям древних «обезьяной Господа Бога». Великое и благое повторится на новой спирали смешным и нелепым поначалу, трагическим и чудовищным впоследствии. Свобода воли! Творец бросил их, избранных, наделенных душой, в океан Бытия. И они не выдержали испытания?!

— Почему вы ушли из земных миров? — спросил Иван. — Почему вы бросили оставшихся, братьев и сестер по Роду, бросили среди животных и выродков?

Волхв улыбнулся, откинул длинные волосы за спину. Он был явно доволен учеником.

— Вседержитель не наделил нас бессмертием в земных мирах, — ответил он просто. — И ты знаешь это. В тебе вопрошает не разум и душа, но жажда справедливости. А она есть лишь там, где правит право. На Земле права не было. Нам приходилось нелегко. Но мы держались друг за друга, помня отцов и матерей своих, дедов и прадедов. Ни один умерший не уходил от нас, оставаясь в памяти нашей и храня Род. Теперь и ты будешь везде чувствовать опору. Ты был один как песчинка. Ты лишь изредка вбирал в себя силу многих. Отныне под тобой и за тобой гранитная скала, твердыня, которой нет равных — твой удар обернется для противника сотнями миллионов разящих ударов, стремительной лавиной такой сокрушительной мощи, что не породила еще ни одна из цивилизаций Мироздания. Вседержитель избрал тебя разящим мечом Рода нашего и орудием Своего возмездия.

Иван протянул волхву свои ладони.

— Мои руки пусты, — сказал он, — и слишком слабы, чтобы сокрушить вселенское зло.

— Ты не ведаешь силы своей. Подойди к дубу этому! — он повел глазами в сторону великана-старожила в нескольких обхватах, упирающегося своими ветвями в свод небесный. — И вырви его!

Иван встал, повинувшись старшему в Роде, подошел к дереву. Он не был в состоянии даже часть его охватить своими руками. Да и смешно было думать... Глаза нащупали небольшое дупло на уровне колен. Нет, не стоит даже пробовать! Иван сунул руку в дупло, ухватился за край, чуть потянул вверх — град осыпающихся желудей затмил свет, от треска, с которым могучие корни, толщиной в два его тела выдирались из земли, рвались барабанные перепонки, сломанные ветви падали одна за другой, качались и шумели будто в бурю соседние деревья, еще немного... нет! Он вытащил руку. Пусть стоит великан, ничего, оправится, и корни вращут в землю, и ветви новые побеги пустят.

— Ты убедился? — спросил волхв.

— Да, — ответил Иван.

— Сколько таких дубов ты смог бы вырвать одним движением, не утруждая себя?

— Не знаю, — Иван задумался, ведь он почти не приложил никакого усилия, даже чтобы сорвать нежный василек, потребовалось бы больше. — Может, сотню-другую... не знаю, зачем мне такая сила?!

— Это еще не сила, — ответил волхв, — ты только начинаешь единиться с теми, кто был до тебя. И помни, в твоей руке — их руки, в твоём уме — их ум, в твоей душе — их души — души героев и полубогов. Ты еще узнаешь о них. А сейчас иди. И помни, что кроме рожденных до тебя и пребывающих в тебе, есть оставленные тобой!

Иван только раскрыл рот, намереваясь спросить, узнать, как волхв растворился в лучах солнечного света, пробивающихся сквозь кружево листвы.

Помни! Две недели он бродил отрешенным и благостным по дубравам и рошам. Две недели! И пусть здесь время течет иначе, пусть! Волхв не мог просто бросить слово на ветер. Там что-то случилось! Наверное, с Аленой и сыном? Добрались они или нет?! Душа не откликнулась на воспоминание о них, на имена... а выплыл почему-то будто из толщ водных Глеб Сизов, старый приятель, верный помощник его, нервный, раздражительный, злой, но прямой и открытый, свой, браток... Иван прижался лбом к холодному стволу. Видеть. Он должен был все видеть!

(окончание следует)

Уважаемый Юрий Дмитриевич!

Прошу извинить меня, что отнимаю Ваше драгоценное время, посылаю Вам рукопись моего произведения в надежде на публикацию на страницах Ваших изданий. Целиком полагаюсь на Ваш писательский опыт и прошу отредактировать мой рассказ по Вашему усмотрению, исправить его или дополнить. Не судите меня строго и за возможные ошибки, я не знаток орфографии и программ проверки правописания у меня нет. Мне двадцать лет, это мое первое произведение. Ведь не важно, сколько ошибок в тексте, главное душа его, смысл рассказа. Чем мы можем сейчас помочь нашим православным братьям, кроме как напомнить людям о трагедии, пришедшей на славянскую землю. Я не могу сидеть дома, когда натовская сволочь убивает моих братьев и сестричек, пошел в военкомат, хотел, чтобы взяли добровольцем воевать за дело их правое. Но получил «от ворот поворот», там на меня посмотрели, как на ненормального. Страшно, что мы не можем помочь воевать, страшно бессилие наше. Именно отчаяние заставило меня взяться за перо, не делом, так словом разделить беду сербов. Рассказ «сыроват», но не судите строго, я спешил, чем раньше он выйдет в свет, тем больше от него будет пользы. Я не ишу ни известности, ни денег, мне ничего этого не надо. Но если хоть один человек поймет глубину трагедии, раскроет глаза свои от сна и задумается о творимом преступлении «мирового сообщества», то не зря я на свет родился. Моя мать училась в Новосибирском физико-математическом университете, но участвовала в опытах по воздействию излучений на организм человека. Ее обманули, скрыв всю опасность подобных экспериментов и я родился от умирающей от рака женщины. Богу я обязан тем, что родился живой. Но я не буду мстить, эта сволочь обязательно понесет наказание, не в этой жизни, так в аду. Я же буду, пока бьется сердце мое, служить Богу и Родине. Хочу сказать большое спасибо Вам, Юрий Дмитриевич, что открыли сердце и душу мою для Бога, не дали одурочить меня, не дали стать подонком, наркоманом, спекулянтом. Я нашел свой Путь и понял свое призвание, и этим я обязан Вам, Вашей газете. Большое спасибо за труд, что взвалили Вы на свои плечи, за титаническую работу, что успешно проделали, и что предстоит впереди. Правое Ваше дело и Бог Вам в помощь. Но мне кажется, рано говорить, о том, что третья мировая остановлена: НАТО неумолимо идет на восток, «мировое сообщество» не остановится, не добив нашу страну. Слишком уж велик соблазн, слишком слаба Россия. Она даст гарантию, что нынешние патриотические дела Ельцина не очередная попытка «запудрить мозги» народу, продержаться у власти подольше, набрать очков. Кто даст гарантию, что потеряв контроль над «колонией», Штаты не начнут военную агрессию. Единственное, что успокаивает, то, что больше и больше людей начинают понимать грядущую опасность, начинают служить Родине не на словах, а на деле. Не дано нам знать будущее и поэтому расслабляться нельзя, надо работать, надо довериться нам Бог. В моих планах написать роман-пророчество о борьбе за Сахалин в 1997 году, о том, как придет японский агрессор на святую Землю Русскую и о том, как будут бороться за свободу русские парни, не желающие смириться с «новым порядком». Все может быть. Если это случится, то я с друзьями уйду в леса, палачи дорого заплатят за каждый клочок русской земли, за каждого убитого русского. Мы готовимся к этому, занимаемся рукопашным боем, учимся военному делу. И я хочу чтобы такие же парни, как я, знали что делать в случае прихода колонистов на остров. Молю Бога, чтобы не случилось этого, но готовлюсь. Конечно, кучка партизан ничего не сможет сделать, только массовое сопротивление всех Русских душой людей сможет спасти Россию. И это уже наше дело, открывать глаза людям на ситуацию в стране. Скоро напишу рассказ о наркомании. Если Ваше поколение страдало от алкоголя, то мое поколение не меньше страдает от повальной наркоманизации. Коноплю курят почти все мои сверстники, курят каждый день. И это молодежь, за которой будущее державы! Страшно становится от мыслей, что нас ждет в будущем. Сейчас силой не заста-

вишь выпить спиртного. Зачем? От него голова болит, и похмелье мучает. Лучше покурить, на завтра будешь, как огурчик, бодр. И не понимают, что грех это, хоть и крещеные все. Я буду писать о молодых и для молодых и очень надеюсь на Вас, что дадите жизнь моим работам. Честное слово, никакие фантасты, ни бредбери, ни гарисоны не сравнятся с Вашей фантастикой. Я просто зачитываюсь Вашими произведениями и с нетерпением жду появления серьезных работ и окончания «Звездной Миссии». Молодой читатель уже знает Вас, как мыслителя и философа. Не каждый человек старшего возраста станет читать фантастику и только с выходом в свет серьезных романов Вы обретете в несколько раз больше читателей и почитателей Вашего таланта. И еще одно замечание. Многие читатели «ПФ» и «Метагалактики» не понимают рисунков, помещенных на страницах изданий. Многие это отталкивает, пугает. Говорят, что злые есть рисунки, нехорошие. Вам виднее, конечно, но все-таки, надо серьезней относиться, я думаю, к работам художников, и меньше печатать изображений всякой нечисти. А больше критиковать нечего, в остальном издания прекрасные, и по содержанию, и по оформлению. Я верю Вам, как писателю, историку, публицисту, редактору и православному человеку. Да хранит Вас Господь. Еще раз извините, что отнял у Вас время.

С уважением,
Емельяненко Анатолий Борисович,
г. Южно-Сахалинск, 28.09.95 г.

Мы прочитали рассказ Анатолия Емельяненко, будем его публиковать в одном из наших журналов. Рассказ хороший и нужный. Жаль только, что писательским словом нынче ничего не изменишь. Босния оккупирована врагами славянства и православия. Сербия и Россия — державы полуколониальные, своих суждений иметь не смеют. Алчные и безмозглые янки правят миром. Но они еще «не наелись», им еще мало — они придут в Россию рано или поздно, придут, когда почувствуют, что можно будет убивать и грабить безнаказанно. А японцы придут на Дальний Восток. И ни тем, ни другим не будет оказано массового сопротивления — в леса и в горы уйдут горстки смельчаков, единицы из сотен тысяч. Почему? А потому что они уже сломали нас, а подавляющее большинство во главе с правителями нашими купили. Разве могли себе хоть на миг князь Святослав и Александр Невский, Дмитрий Донской и Иван Грозный, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов, Жуков и Сталин, лучшие сыны России, представить, что у Державы нашей будет столь страшный и позорный конец?! Нация чудо-богатырей и вершителей судеб мира выродилась в спекулирующий, полуживотный сброд, готовый лизать сапог любого нового господина, лишь бы он подливал в корыто немного баланды... Мало осталось русских. Но каждый из таковых знает, что ни один временщик-президент не имеет ни малейшего права расчерком пера передавать в собственность чужим государствам Русских земель — ни одного квадратного вершка! А если передает — значит, он преступник и суд на него рано или поздно найдется! Но у нас что ни день, то отрезают сотнями гектаров — то шельфы Норвегии, то приграничные земли Китаю, я уж не говорю про «отрезанные» Украину, Прибалтику, Белоруссию, Молдавию — исконные русские отчины. Все молчат. Никто не уходит в леса. И никому палачи пока не заплатили. Наоборот, это мы, хозяева своей земли, платим им своим трудом, своим здоровьем, своей кровью. Вот сербы дрались за родину, я преклоняю голову перед ними. А за русских мне просто стыдно... да и какие это русские! Может случиться так, что не одно поколение вырастет, пока удастся живущим в России или на остатках ее колонизированных земель, вспомнить — кто они такие, и вытравить из себя раба. Вся трагедия заключается не в том, что против нас целый мир, все «мировое сообщество» — трагедия в том, что против России и российские правители со всем своим окружением, против России и подавляющее число ее безродных, беспамятных и продажных обитателей. Такой расклад. И ни одному писателю словом своим не дано его изменить. К сожалению!

Юрий Петухов

Издательству "Метагалактика" и редакции "Голоса Вселенной" требуется коммерческий директор — менеджер — распространитель. тел. 176.20.24

Юрий Петухов

История, к сожалению, повторяется.
И никто не учится на ее ошибках ...

Калка

Незаконченная поэма

Нашу землю днесь отъяли,
а ваща заутра вьзята будеть
«Повесть о битве на Калке», XIII век.

Не послы степные —
Ханы родовые
Ждут ответа княжьего. Что же медлит он?
Нет у князя времени
Прохлаждаться в тереме,
Но сидит, исхмурившись, в думу погружен:
«Половцы, половцы,
Удалые молодцы —
Ни кола, ни дворика — поле да костер,
Конь степной без стремени
Да колчан со стрелами,
Над травой-половою с бунчуком шатер.
Ссорились, ратились
Да за княжен сватались.
Сколько вами люду угнано в полон,
Высечено, выжжено —
Степь костями выложена!
И по этим косточкам — к нам же, на поклон?
Вышел князь в горницу,
Глаз остер, колется,
А в душе хворобую туга завелась:
— Ай хитрите, нехристи?
— Что ты, князь, Бог спаси!
— Знать на силу силушка во степи нашлась?
— Силушка немалая —
Степи не достало ей,
Видно, приближается наш последний час.
Выручайте, русичи!
Отвернетесь, струсите ль —
Завтра лихо лютое не минует вас.
— Мы лица не прятали,
А на лихо ратями
Отвечать обучены — вам ли то не знать?!
...В мыле кони легкие,
Их гонцы подстегивают,
Им, гонцам, повелено войско собирать.
Только дума горькая
Не ушла из горницы —
Князь Мстислав Черниговский ночи не спит:
Нету лада с братьями,
Не дано знать ему,
Что их соберет в кулак, что разъединит.
А на сердце груз —
Грусть.
Ай жива ль ты, мать-Русь?
Из песчинок камня ведь не слепить.
Долго ль зависть черная
Да сердца черствые
Землю Мономахову будут дробить!
Половцы, половцы,
Вы в набегах молодцы,
Ну а как придется грудью на мечи?
Устоите? Выдюжите?
Смертный бой выдержите ль?
Иль как искры сгинете во степной ночи?!

Княжий съезд в золотоголовом Киеве —
Аж рябит от расписных знамен.
Ох, заходятся колокола Софиевы.
Шапки в небо! Дождались времен
Благостных!
Неужто единение?!
Люд по улочкам, по площадям
В страдный день, как будто в воскресенье,
В платье красном,
Без созыву,
Сам!
Уж грядет ли время Ярославово?
Завещанья ль Мономаховы сбылись?
Двадцать три — от большего до малого —
Князя в стольном граде собрались.

Не рядить-делить уделы отчие,
Перепахивать кровавые межи.
Собрались недруга попотчевать...
Как и должно — жить им не по лжи!
Старый князь Мстислав Романыч Киевский
Рад братьям и прибывшим гостям.
Галицкий Мстислав, Мстислав Черниговский,
Даниил Волынский, хан Котян —
весть принесший черную из поля —
От Ростова, Трубчевска послы...
Не силком, по вольной своей воле
В матерь русских городов пришли.
Съехалась Земелюшка вся Русская,
Курская, Смоленская земля,
Новгорода нет, Владимир-Суздаля,
Ну а так —

да, почитай, что вся!
Заливаются колокола Софиевы —
Светлым звоном город напоен.
Княжий съезд в золотоголовом Киеве —
Аж рябит от расписных знамен!

Шумят днепровские пороги,
Клокочет, пенится вода.
Ведут апрельские дороги
От русских городов сюда.

Сюда, где сбор назначен рати.
Такой не знали на Руси
По силе, по числу и стати.
Не веришь? Старцев расспроси —

Давно ль сбирались воедино
Князьям подвластные полки?
Не помнят старцы, и не дивно —
Века их слишком коротки.

Короче распрей и раздоров,
Изъевших ржой былую мощь.
Неужто сгнула котора
И день сменил глухую ночь?

Встречает ратников Олешье
У полноводного Днепра.
Ручьями — конно, вплавь и пеше,
Войска стекаются.
Пора!

Готово все к великой сече,
Томится праведная рать,
Уж отговорены все речи —
Пора и дело зачинать!

Галицкий Мстислав крут.
Лих — не зря зовут Удалым.
«Ратный труд — мой труд!»
Тыща молодцев с ним.

Молодцам — река не река,
Им одно — что Днепр, что ручей:
«Что с того — темна, глубока?
Не разьест водица мечей!

Что с того — что тыща всего?
Не считать пришли — воевать!
Смелому — копьё не копьё,
Храброму — стрела не стрела,
Удалому — жизнь не мила!
И доколь еще выжидать?!»

Холодна в апреле вода,
Перед битвою в самый раз.
Враг стеной стоит — не беда,
Коль порыв лихой не угас!

Ох, горяч в руке верный меч!
Резв в бою Мстислав Удалой —
Вот у первого гостя с плеч
Голова слетела долой.

От стрелы кольчуга спасла,
От копья укрыл красный щит.
Весел князь — еще не пришла
Сила, что его победит.

Широка ты, степь, велика —
Есть куда бежать степнякам.
Но истек весь кровью мурза,
На коне не держится сам.

Пять нукеров верных мурзу,
Завернувши в чахлый лесок,
Заховали в этом лесу
И скорей давай наутек.

«Князь урусов удалью пьян,
Он погоню увлечен —
Не ползет в дикий бурьян.
Жди, мурза, ты будешь спасен!»

Конь-огонь под князем горяч,
Скалит зубы, рвет удила.
Кто сказал, что Мстислав не зряч?
Зряч! Поводья рука свела —

Конь хрипит, но послушно в лес
Седока своего несет,
Ты смирился в груди его, бес,
Бес погони — черед твой придет!

А пока — овраг не овраг,
Яма волчья, сучья поверх
Не укроют тебя, знатный враг,
Богатур степной, Семябек!

Чисто полюшко лева берега,
Рад-радешенек Удалой Мстислав,
Похваляется, дескать, первый я!
Горделив-спесив:
— Али я не прав?!

Аль я зла-врага не согнал с Днепра?
Вам дороженьку не открыл?
Али в сечи я не добыл добра?
И полону не полонил?

Промолчал седой Мстислав Киевский,
Не корил, раздора боясь.
Хмур-невесел Мстислав Черниговский:
— Кружит голову слава, князь!

Мы пока у порога отчего —
Мать-земля помогает нам!
Но попомни, князь, дела общего
На делишки дробить не дам!

Удалой Мстислав помрачнел лицом —
Нет, не гоже спор затевать.
Только плеть сапог обожгла свинцом,
Чуть не треснула рукоять.

Повелел мурзу привести тотчас.
Принесли мурзу, сам дойти не смог.
На лице горел уцелевший глаз,
Мог бы — взглядом урусов сжег!

Побледнел толмач, разумея речь,
А рука сама ухватила меч.
Но одернул князь толмача:
— Здесь не сеча, рубить сгоряча.

Говори, мурза, с чем пришел по нас?
И по нраву ль встреча тебе пришлась?
Говори, мурза, не тая,
На конце копья жизнь твоя!

Семябек стал половы бледней,
Побурела под ним трава,
Кровь сочилась из-под ногтей,
А из горла рвались слова:

— Безумной радости полны,
Своей не чуete беды!
Не долго потешаться вам —
Добычей будете вы псам
И Субудая и Джебе.
Горюйте ж о своей судьбе!
Из бронзы кованы их лбы,
Стальные клювы — их носы,
Как шило языки острые,
Железные сердца в груди!
Им плетью служат их мечи,
Конями — ветры во степи.

Людское мясо их еда,
А коли нет его,
Тогда
Не удержать их на цепи:
Глотая жадную слюну,
Хрипят на привязи они
И жаждут лишь одно —
Войну!

Семябек умолк, помутился глаз.
Пал ночной полог. Свет зори угас...

* * *

Восемь дней в степи стук копыт стоит.
Удалой Мстислав впереди полков.
Словно конь под ним поле-степь хрипит,
Ковылем дрожит от литых подков.

А по праву руку Волынский князь
Даниил, над ним голуба хоругвь,
Молод-юн, лицом не ударит в грязь,
Не упустит чести из цепких рук.

— Что, Данилушко, любо-дорого
По степи мести люта ворога?!
А пугали нас други-половцы!
Да теперь, гляди, поопомнились —

Как горяч, как рьян половецкий хан
Молодой Ярун! Да и сам Котян!
Как стрела летят!
Поотстать — ни-ни!
На полон-добычу жадны они!

Да и нам к чему зря греха таить —
Первым слава и доля знатная!
Пусть ползут-скрипят позади в степи
Старики-князя неуютные...

Вдруг осекся князь, придержал коня —
Солнце с неба будто упало в ковыль,
Полыхнуло лентою синь-огня,
Разметав жемчужную пыль.

— Здравствуй, Калка,
Река степная!
Вот и свиделись вновь с тобой.
Помнишь, было средь знойного мая —
Ты укрыла многих волной?

Калка, где же теперь их души?
Что молчишь, не знаешь ответ?!
Ну, молчи!
Коль уж мир порушен —
И усопшим покою нет.

Ныне май в стократ веселее —
Солнце землю решило сжечь!
Наши шеи — крепкие шеи,
Вот головушки к ним бы сберечь!

Знаю, знаю, гостей ты приветишь,
Дно устелишь, прикроешь травой,
И, конечно, охотно поверишь,
Будто шли к тебе, на покой.

И сомкнешь свои светлые воды —
Каждый волен в постель твою лечь,
Бросив счет на годы-невзгоды,
Ты ж по-прежнему будешь течь!

Верю, верю, гостям ты рада,
Ведь не малый проделали путь,
Но не будь нам, Калка, преградой!
И могилою нам не будь!

* * *

Все по бережку князь поезживает,
Да по-за реку все поглядывает,
Щурит глаз: все здесь не по-прежнему,
То, что видится, сердце не радует.

Что за лес густой за рекой стоит,
Черной кроною без ветров шумит?
Нет, не лгал мурза Семябек —
Перед смертью чист человек.

До краев земли растеклись тьмы,
Не стволы — вверх копыя торчат.
И не кроны там зелены —
Черны
бунчуки над войском дрожат.

Оглянулся князь — чисто полюшко,
Версты длинные позади.
Тяжело вздохнул:
— Ох ты, долюшка!
Что задумался, Даниил?
Али нам врагов привлекать рубить,
Аль назад отсель отступать?!

— Не мила мне жизнь,
Да людей губить —
Не великая благодать!

Простояли день, простояли ночь
На крутом берегу реки.
Ждать подмоги уже невмочь!
Славой брезговать — не с руки!

Уж черниговцы подоспели —
Недоволен тезка Мстислав:
— Далеко, орлы, залетели!
Сгубит, князь, тебя буйный нрав!

— Коли ты пришел труса праздновать,
Вороти коня от меня,
Ты советчик-то несуразный, князь,
Не засыпешь золою огня!

— А не много ли на себя берешь?
Поостынь-ка, протри глаза:
Не себя, войска на убой ведешь,
То-то рад в могиле мурза.

— Воля вольному, не зову с собой, —
Прошептал в ответ Удалой, —
Ясну-соколу красен быстрый бой,
Вялу-ворону — сон-покой!

— Был кулак! Растопырились пальцы —
Все отрубят по одному.
— Возвращайся в терем, за пяльца!
— Не к тому ведешь, не к тому!

Не дождавшись Мстислава Старого,
Не безумство ли в сечу лезть?!
— У меня дружина немалая.
— Торопливость — скорая смерть!

— Даниил со мной, и Ярун со мной,
Войско курское боя ждет...
Половина будет с тобой!
А Мстислав догонит, придет.

Протрубили трубы надрывно сбор,
Кони ржут,

Догорают угли костра.
Недокончен остался спор.
Но кипит уж вода,
Хоть река не быстра.

* * *

На берегу крутом вдали от битв,
За частоколом и глубоким рвом,
Куда стрела едва ли долетит,
Под златоперым княжеским орлом
На знамени
Сидит Мстислав Романыч...
Надежным крепким войском окружен,
В доспех царьградский пышный облачен.
Из-под седых бровей на левый берег
Глядит, кровавой сечей удручен.
Глядит — и собственным очам не верит:
Ярун бежит, за ним Мстислав бежит.
Стоят еще черниговские рати
Средь океана светлым островком,
Но ясно, что живым не устоять им
и что исход, увы, уж предречен,
Что гибнут завлеченные в засаду
Дружины храбрые на радость степнякам,

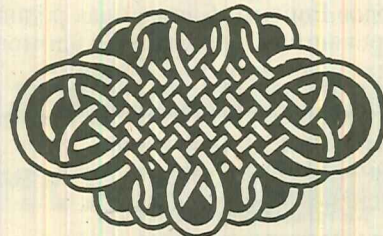
За дерзость получившие в награду
Смерть неминуемую и срам.
Вот, смятые полки оставив,
Мстислава оба, Даниил, Ярун
С охраной скачут к переправе.
Но не смолкает в поле шум,
Шум ратный.
Перекаты грома
Над Калкой к лагерю плывут.
И не зовут уже на помощь,
Уже спасения не ждут
В живых оставшиеся войны,
Они лишь молят об одном,
Чтоб перед смертью в мир иной бы
Дорогу указать мечом
Гостям незванным,
И притом,
Не покупиться их числом.

* * *

Ветром кони по степи,
Да не кучно — россыпью,
Каждый князь в особицу — сам по себе,
С малыми дружинами,
Гриднями служилыми
Скачут к дому дальнему налегке.
Поменялись стороны,
Сзади черны вороны,
Распластались крыльями, а в крыле — тумен.
Да и лагерь киевский
Тьмами обложили весь —
Черные наездники возле самых стен.
Отсекли, отрезали
Конницею резвою,
Отрезвили буйные головы князей —
Удалые головы
Над травой-половой
Погоняют яростно вороных коней.

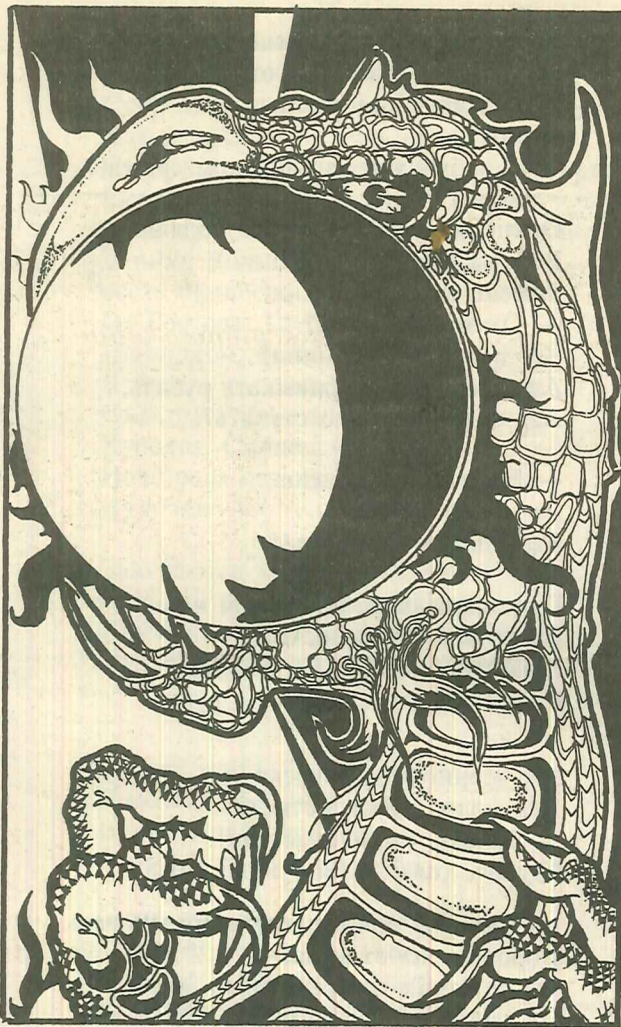
Дробный перестук копыт
Кровью по вискам стучит,
Злою-горькой думою сердце тяжело,
Тих Мстислав — не может ли?
Раны тело гложут ли?
Прячет в гриву колкую бледное чело.
«Половцы, половцы,
Что ж вы, други-молодцы,
Скакунов пришпорили да и наутек!
Строй полков порушили,
Клятвы все нарушили —
Не помог вам, половцам, ваш поганый бог?!
Где ж ты был, Галицкий?
Слал меня за пяльца ты,
Торопил, бахвалился, соколом глядел.
Хоть и дрался лихо ты,
Сдуло тебя вихрями —
Словно лист осиновый улетел в удел.
Знать, один Плоскиня
Радуется ныне,
Лижет пятки сальные ханскому мурзе —
Продав дело общее
И законы отчие.
На таких плоскинюшек спрос велик в Орде.
Воеводой-бродником
Вдалеке от родины
Хаживал с дружиною, не страшился сеч,
Не пугался половцев,
Лез в огонь да в полымя...
И на братьев-русичей поднял грязный меч!»

Что гадать! Винить кого?!
Не найти виновного
Там, где рати — гидрою с множеством голов.
Что там други-половцы,
Да плоскини подлые,
Коли не слепилося войско из полков....

Ведьма (2). Демон-оборотень женского рода, обладающий тайным знанием и владеющий черной магией. В истоке образа, зарожденного в глубочайшей архаике, женщина-шаман, способная к перевоплощениям.

Вырколак. Мертворожденный ребенок, чья душа превращается в незримого чудовищного змея, живущего на Луне и заглатывающего Солнце. Образ зарожден во времена обитания русов на Ближнем Востоке и Балканах. В настоящее время сохранен в восточнороманском ответвлении русского этнодрева.

Популярная Энциклопедия нечистой силы

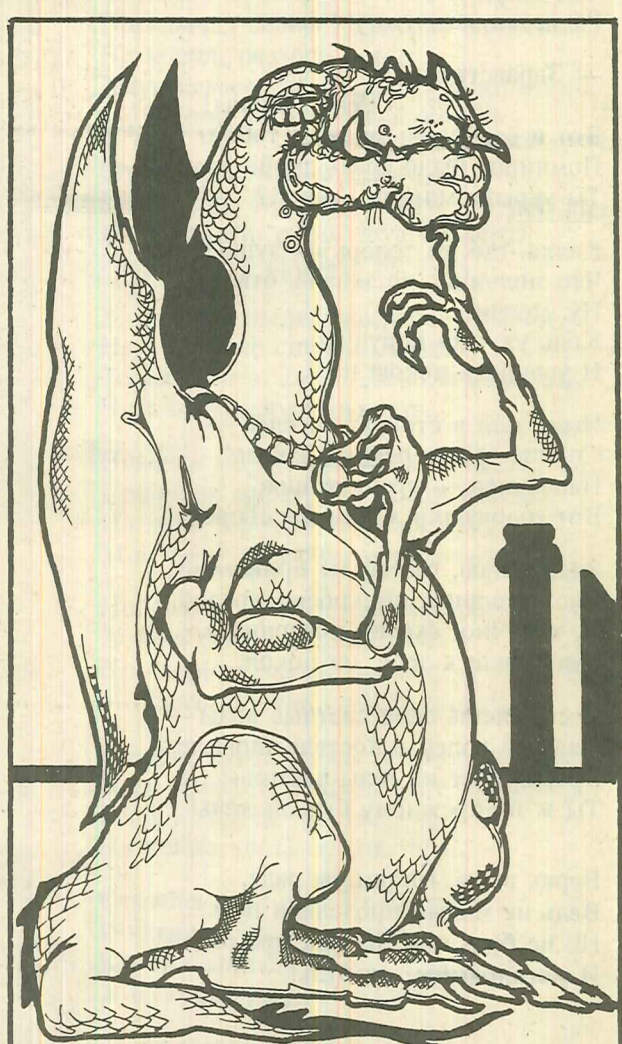
Асуры. (рус.-вед). Небесные демоны-небоги, обладающие огромной силой. В позднеславянских мифах сохранились как «асилки». Одновременно асуры старшие братья богов, т. е. духи, которым поклонялись еще в палеолите. Черный демон Вритра, «запирающий воды» — один из асуров.

Гномы. Позднее литературное обозначение «подземного народа», слуг Велеса и частично его ипостасей. Из проторусской через кельтскую попали практически во все мифологии народов Европы. Ближайшая родня персонажам «водяным», «домовым», «дворовым», «овинникам», «лешим».

Дэвы. Огромные и злобные духи, вредящие людям. Первоначально архаичные божества русов («диво»-«бог»), властители мира. Позже, с приходом «новых богов» — демоны, наибольшее развитие получившие в мифологии иранского ответвления древних русов.

Дракон. Древнейший образ русской мифологии, зарожденный еще до переселения русов из Арктики и Сибири на Ближний Восток и распространившийся при их исходе по всему миру. Этимология заключена в корне «др-», откуда пошли слова «драть», «раздирать» и т. д. Один из асуров.

Адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40.
Рег.номер 877 от 11.11.90 г. ГКП
Учредитель, гл. редактор — Ю.Д. Петухов
Издательство «Метагалактика» ЛР 060423
Перепечатка с разрешения редакции.
© «Голос Вселенной»
Цена свободная. Тираж экз.
Подписано в печать 1996 г.

Голос Вселенной

7.96

Редакции требуется коммерческий директор — менеджер — распространитель.

Отпечатано в типографии издательства «Пресса»
Москва, ул. «Правды», 24. тип. 13321

По вопросам распространения
обращаться по т. 176.20.24.
Адрес для реализаторов:
Москва, Рязанский пр., 82/5